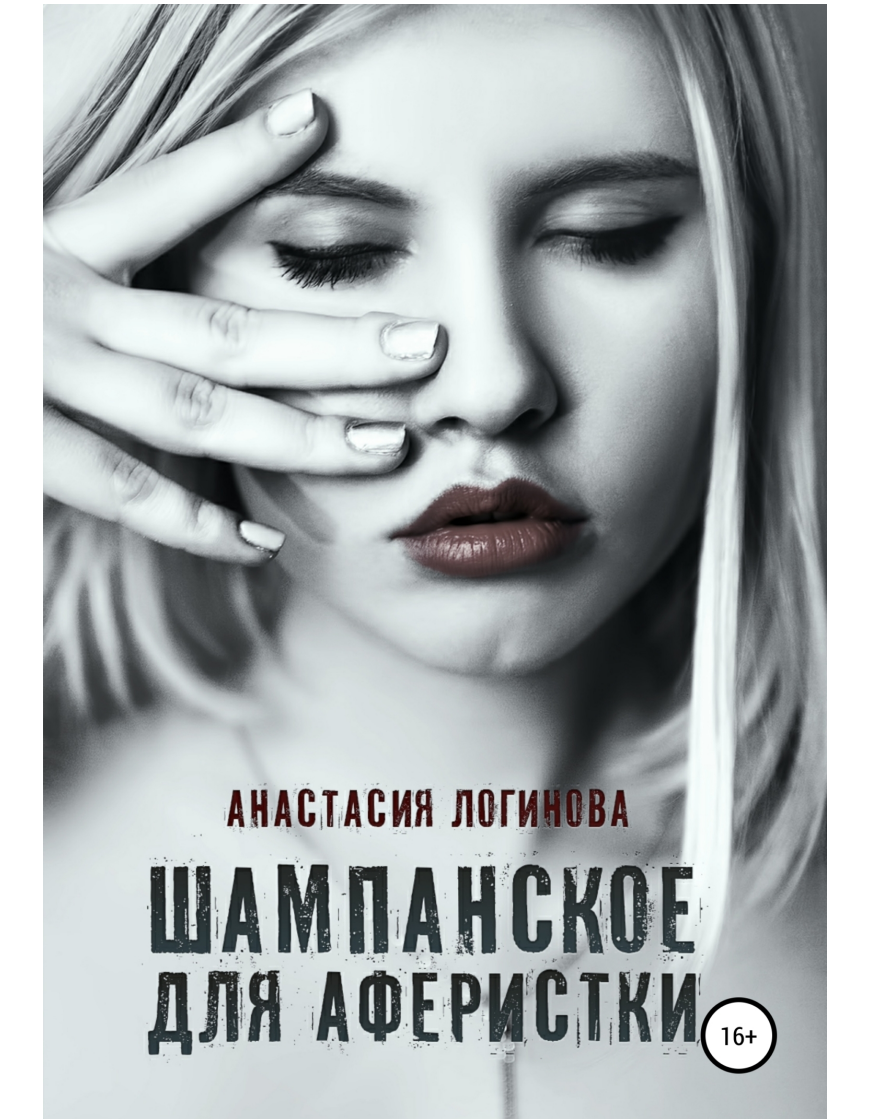

АНАСТАСИЯ ЛОГИНОВА

ШАМПАНСКОЕ
ДЛЯ АФЕРИСТКИ

16+

Анастасия Логинова

Шампанское для аферистки

Серия «Катрина Астафьева. Старогорск. Полицейский детектив», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38279587

SelfPub; 2024

Аннотация

Убита молодая жена профессора истории, и первый подозреваемый – сам муж. Когда же адвокат профессора, Леша Никитин, углубляется в дело, совершенно очевидно становится, что несчастный муж это лишь жертва, а убийство – последнее звено в цепочке событий, состоящей из аферистов всех мастей, золотых монет XVIII века и странным образом исчезнувшей няни в одном подмосковном городе. Осложняет дело то, что обвинителем Лешиного профессора выступает Катерина Астафьева, его давняя знакомая, с которой у него весьма непростые отношения. А еще Катя уверена – профессор вовсе не жертва, а главный зачинщик.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Утро воспоминаний	9
Глава 2. Профессор истории	32
Глава 3. Няня	51
Глава 4. Семья Фараоновых	63
Глава 5. Пропажа	77
Глава 6. Друзья	97
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Анастасия Логинова

Шампанское для аферистки

Пролог

Граница России с Казахстаном. Апрель 2011 г.

Двадцать первого апреля груженный товаром фургон «КамАЗ» пересек границу России и Казахстана. Таможенный досмотр прошли без осложнений, хотя очереди своей ждали, конечно, долго: экспедитор – молодой казах – беззвучно бесился и потел, водители нервничали. По ту сторону границы фургон давно уже ждали русские. Партию казахского чая заказала какая-то петербургская оптово-закупочная фирма. До российской границы груз обязались доставить поставщики, а от границы до Санкт-Петербурга – русская фирма «Транзит-Плюс». И все-таки обошлось без эксцессов, что бывает редко: таможенники посмотрели документы, почитали накладные, один, самый деятельный, заглянул в фуру, вскрыл коробку на выбор. Коробка доверху была заполнена пакетами с тем самым чаем. Таможенник лениво разворошил их, махнул рукой и бросил вскрытую коробку обратно.

– Езжай! – Дал он добро.

Вскоре добрались до условленного места под Троицком, где давно уже дожидались двое водил: совсем молодой парнишка по имени Стас, не расстающийся с айподом, и едва держащийся на ногах мужчина лет пятидесяти. Валентин Егорыч снова был пьян. Его держали в «Транзите», потому что он был тестем главного механика и последние годы он вообще в их организации лишь числился – ни на один междугородний рейс его не ставили. Почему везти казахский чай аж из Троицка поставили именно его – загадка. Егорыч, конечно, не выдержал: вчера сорвался и напился как черт. Это значило, что Стасу придется вести «КамАЗ» сутки как минимум, потому что, ясен перец, в таком виде Егорыча за руль сажать нельзя.

Казах-экспедитор опять потел, торопливо сдавая всю документацию на груз русским – сопровождать чай по России он не собирался. Коробки быстро перегрузили в фуру с питерскими номерами, погрузили и Егорыча. Стас воткнул наушники в уши и сел за руль. Тронулись с Богом.

Через два часа миновали Челябинск. Потом пошло хуже: дорога испортилась – пришлось снижать скорость, да и сумерки уже опускались. А в это время нужно ехать особенно осторожно. Очухался Егорыч. Был он все-таки опытным водилой – трассу проезжал не раз.

– Хреново, что охраны-то не выделили... – Егорыч так смачно зевнул, что и Стасу захотелось спать. – Вдвоем-то

страшновато.

«Вдвоем... — зло подумал парень, — с тобой-то все равно, что в одиночку». А вслух ответил:

— Сдалась она тебе — охрана. Мы ж не компьютеры везем, а дребедень всякую — чай, специи какие-то.

— Чай... — словно на вкус попробовал слово Егорыч. — А ты хоть груз-то смотрел?

— Фиг ли его смотреть? Вон, в накладных все написано.

— В накладны—ых, — недовольно передразнил Егорыч, — сами-то коробки открывал? А ежесть там не чай? Вот так недогляди, а!

— А что же там, если не чай? — гоготнул Стас, даже делая звук в айпode потише и ожидая, что старик его сейчас повеселит.

— Нука останови, — вдруг насупившись, велел тот.

— Ты что, Егорыч? Поздно уже...

— Останови—останови. Все равно мотору остыть нужно. Едешь-то, поди, с самого Троицка.

— Все равно темень. Не увидишь ни хрена! — крикнул парень деду, когда тот вылез из кабины.

Егорыч копался долго, минут десять. Вернулся довольный, даже подмигнул Стасу. Минут через пять езды не выдержал: вытащил из ветровки куртки два плотных пакета с чаем:

— Гляди, что я припас. Чайку-то заварим?

— Совсем ты, Егорыч, сдурел... — пробурчал Стас.

– Ну ну!.. Ты на старших-то не больно... – рассердился дед и сунул пакеты обратно.

Смеркалось. Южные голые поля оставались позади – теперь фура летела через зеленеющие леса средней полосы. Вечнозеленые сосны высились по обе стороны от шоссе, а между стволами мелькало, слепя глаза, медное предзакатное солнце. Под Екатеринбургом в лесах висела тяжелая тишина, нарушаемая только ревом летящих по трассе машин. Природа, которая все чувствует, безусловно, тоньше затихла в ожидании, как будто предупреждала.

Но в кабине КамАЗа тишину не замечали: Егорыч спал, а Стас был поглощен только композицией, которая звучала из наушников. Он вел фуру весь день и уже порядком устал, а серая лента дороги кончаться и не думала. Пора было останавливаться на ночлег. Парень ориентировался только по карте, и где ближайшая станция понимал плохо. А Егорыч беззаботно дрых рядом. Трасса постепенно пустела. Где-то впереди часто мигали красные габаритные огни легковушки.

«Вот повезло кому-то, – подумал Стас, – кажется долбанулись...». И правда: почти поперек дороги стояли искореженные «Жигули» и отчаянно мигали габаритами. Притормозить пришлось бы в любом случае: автомобиль стоял поперек дороги, просто так не объедешь. Выкручивая тяжелый руль, Стас пытался разглядеть салон легковушки – в тот же момент из машины выскочила девица лет двадцати. Испуганно глядя на Стаса, она закричала ему что-то. Парень, не

заглушая мотор, остановился, опустил окно. Крикнул:

– Что случилось?

Девчонка смотрела растерянно, но не отвечала. Стояла она довольно далеко от «КамАЗа» и подходить не торопилась. Проехать мимо Стас уже не мог: слишком много испуга было в глазах девчонки. Да и в искореженной машине умирает, может, кто. Он открыл дверцу, прыгнул на асфальт. Сбоку, за открытой водительской дверцей что-то коротко свистнуло – Стас метнул взгляд вправо, но увидел только стекло дверцы, покрываемое непрозрачной сеткой, а потом – темнота.

Через секунду тот же свист еще раз рассек тишину легкого весеннего вечера. Егорыч ничего не почувствовал – он все ещё спал.

Тело старика за ноги выволокли из кабины, толкнули под откос дороги. Туда же стащили мертвого Стаса. От пинка ногой следом полетел и шипящий айпод.

В «КамАЗ» забрались стрелявший и девушка, а «Жигули», хоть и были побиты, но оказались на ходу. Третий быстро завел движок легковушки. Через минуту на участке трассы Челябинск – Екатеринбург снова стало спокойно. Солнце окончательно спряталось за соснами.

Глава 1. Утро воспоминаний

Я шуганул кошку с постели, с трудом сел на кровати и подумал, что отмечать день рождения посреди рабочей недели это все-таки плохая мысль. Господи, как меня так угораздило-то?.. В последний раз я подобным образом упивался еще когда на УВД пахал, а было это настолько давно, что почти уже в прошлой жизни...

В кармане джинсов верещал сотовый – он-то меня и разбудил. Знать бы еще, где эти джинсы. События вчерашнего вечера вспоминались туго, со скрипом, а некоторые моменты вообще отказывались всплывать в памяти. Повод был, конечно, веский. Во-первых, у моей любимой женщины – Наденьки – случился вчера юбилей, а во-вторых, Марина меня бросила. Тоже вчера. Может быть, в этот раз даже навсегда.

Где же джинсы?.. Наплевать на звонок я не мог – помнил, что сегодня пятница, вполне рабочий день. Антон уехал в командировку, а меня оставил в конторе за старшего: сейчас должно быть, все тридцать два наших сотрудника поочередно мне названивают.

Джинсы я нашел аккуратно висящими на спинке стула, и, хотя телефона в их карманах все равно не было, меня это уже не сильно волновало, потому как посреди моей спальни лежал некий предмет, которого быть здесь никак не должно.

Черная замшевая туфля, определенно женская. Мне резко поплохело.

Черт! Черт! Черт! Неужели я допился до того, что позволил вчера Марине и попросил прощения? А она простила. Ну, вот за что мне это, а?

Теперь я уже ясно слышал шум душа. Не выпуская из рук туфлю, дополз до двери ванной, дернул ручку – заперто – и тихонько поскребся в дверь.

– Я сейчас! – звонко отозвался женский голос. – Минуточку!

С одной стороны я приободрился, голос явно был не Маринкин – что хорошо. Правда, я, хоть убей, не помнил, как зовут его обладательницу, и как она выглядит – что не очень хорошо.

Я молча сполз по косяку на пол, приложил к горящему лбу холодный металлический каблук и попытался хоть немного восстановить в памяти события вчерашнего вечера...

Итак, отмечали день рождения моей любимой женщины, Наденьки Аристовой. Муж моей любимой женщины как раз сегодня уезжает в Москву по работе, потому и собрали они компанию не на выходных, как следовало бы, а в будний день. Гуляли дома у Аристовых, что значительно сужало круг: значит та, что заперлась в моей ванной, мне более-менее знакома. Путем логических умозаключений я установил, что это либо это одна из подруг Наденьки по работе, либо

кто-то из ее бывших однокурсниц, либо коллега Стаса – ее мужа.

Первое и второе очень и очень сомнительно: дело в том, что моя Наденька судебный медик, а отношения у меня с представителями этой профессии сложные. Исключая Наденьку, конечно, но с ней мы еще в школе вместе учились, так что это песня отдельная. А остальные... что говорить, если эти дамы весь вечер громко обсуждали эффективность применения опарышей¹ в медицине. С чувством рассказывали, что, если поместить личинку в загнившую рану на некоторое время, то она, не будь душой, сожрет все мертвые клетки, оставляя ткани чистыми. Нет, не мог я уехать домой ни с Надиной подругой, ни с однокурсницей. Мне столько просто не выпить!

Преподавательницы – коллеги Стаса? Вот это уже теплее... Я даже оживился, вспоминая. Была там одна такая в коротком голубом платье. Очень коротком. Даже имя ее помню – Мила. Да-да, сейчас вспоминаю: как раз во время разговора об опарышах Марина заявила, что ее вот-вот стошнит, и вышла на балкон освежиться, а эта Мила подсела ко мне и начала рассказывать что-то о непонимании современным обществом всей значимости поэзии раннего Гумилева. И так, черт возьми, она хорошо рассказывала, что мы пошли с ней танцевать аргентинское танго под Катю Лель. Точно-точно! А потом вернулась Марина и очень эмоцио-

¹ Личинка [мясных мух](#). Питается тухлым мясом позвоночных животных.

нально заявила Миле, что безвкусно надевать под голубое платье красное нижнее белье. Мила ей, кажется, возражала. В это время судебные медики – среди них были не только женщины – немножко увлеклись спором об опарышах, и один даже предложил другому выйти на лестничную площадку и решить вопрос по-мужски. Я начал их разнимать, отвлекся от Марины и упустил момент, когда она, не простившись с коллективом, покинула квартиру.

Значит, Мила! Внеся хоть какую-то ясность, я сравнительно легко поднялся с пола и почти бодро добрался до кухни – попить минералки. Но тут воспоминания поперли уже против моей воли...

Договорить о Гумилеве нам так и не дали: через какое-то время после ухода Марины явился муж Милы. Он тоже громко и возмутительно говорил что-то о красном нижнем белье, но моя Наденька обладает способностью урегулировать любые конфликты, так что через десять минут мы втроем – я, Мила и Муж уже пили за знакомство. Вечер подходил к концу, так что вскоре они ушли, а следом двинулся домой и я.

Машины в тот день я предусмотрительно оставил у дома, потому возвращался на такси. В дороге успел протрезветь, вследствие чего мне сделалось тоскливо и одиноко. Не желая заканчивать вечер, по пути домой я наведалься в ночной

клуб – хряпнуть вискаря на дорожку. У барной стойки сидели штук пять девиц. Заводить знакомство ни с кем я вроде не собирался, но одна из них обратилась ко мне сама. Даже не обратилась, а просто собралась прикурить, но не смогла найти зажигалку – ну как было не помочь? Разговорились. Помню, она сетовала, что мосты, мол, уже развели, и ей, бедняжке, теперь придется коротать ночь в этом клубе. В общем, мы поговорили в таком духе минут десять, потом купили еще бутылку вискаря и направились ко мне.

Н-да... а ее имя и внешность я, между тем, так и не вспомнил. Собрался уже смириться с этим фактом, но тут взгляд мой упал на женскую сумочку, живописно лежащую посреди прихожей. Ничуть не смущаясь, я вдоволь порылся внутри, но ничего предосудительного не увидел, даже наркотиков. Зато нашел паспорт на имя Караваевой Юлии Александровны с пропиской в доме на Петровской набережной – хм, действительно через мосты ей ехать нужно было.

Едва я успел пристроить паспорт на место, как из ванной выплыла сама Юленька. Она оказалась, пожалуй, хорошенькой. Нет, правда, после того, как весь вечер алкоголил со страшной силой, я и не ожидал подцепить девчонку настолько симпатичную.

– Доброе утро, Юля, – бодро поздоровался я.

– Доброе утро... – пролепетала она, стыдливо кутаясь в не слишком широкое полотенце. И судя по тому, как она на

середине оборвала фразу, я понял, что ее мучают те же вопросы, что и меня минуту назад: «Надо же было так напиться?», и «Как, интересно, его зовут?».

– Леша, – подсказал я и отдал сумочку, которой она тоже прикрылась как могла.

Я умилился: какая своевременная скромность.

– Кофе хочешь? Или позавтракать?

– Нет, я и так опаздываю.

– Как знаешь... – я пожал плечами и скрылся ванной, чтобы еще больше ее не смущать.

Через полминуты она постучала ко мне в дверь:

– Леша, я забыла сказать, тебе где-то полчаса назад звонили. Вроде что-то срочное. Звонок на автоответчик записан.

– Спасибо, – отозвался я. – Завтракать точно не будешь?

– Нет, я уже убегаю.

– Тогда увидимся, – пообещал я.

– Ага, увидимся. – И громко хлопнула входная дверь.

«Не дай Бог!», – наверняка подумала она. Впрочем, я подумал то же самое.

Когда покинул ванную, в квартире уже ничего не напоминало о моей ночной гостье. Я поставил чайник кипятиться и ушел перестилать постель. Пришлось еще раз шугануть кошку с кровати – вообще-то эта дармоедка не моя, а мамина. Мама уехала на дачу, а рыжее наглое чудовище примостилось спать теперь в моих ногах.

Зазвенел домашний телефон – я включил громкую связь и вернулся к уборке квартиры. На работу все равно опоздал, так что уже можно не торопиться.

– Леш, привет! Как настроение? Если до сих пор не в офисе, значит, посидели вчера хорошо? – Сколько сарказма было в этом голосе.

– Здравствуй, Ань. Посидели как всегда замечательно. Антон не приехал?

Аня – это секретарша Антона, то есть, сейчас временно моя секретарша.

– Нет, раньше понедельника не вернется. Ты просил напомнить, если сам забудешь – а я вижу, что ты забыл – сегодня в одиннадцать у твоего Красильникова допрос в «Крестах», тебе нужно присутствовать.

Вот черт... действительно забыл. А надеялся, что сегодня отсижусь в офисе.

Не успела отсоединиться Аня, как телефон снова разошелся – на этот раз звонил муж моей любимой женщины.

– Ты как? Живой там? – хриплым голосом спросил Стас.

– Почти. Слушай, если такие дни рождения будут чуть чаще, я скоро сопьюсь. Чего звонишь-то в такую рань?

– Кому рань, а кто-то уже полдня на ногах. Я по делу звоню: что ты решил?

Я сел напротив телефона и задумался. Терпеть не могу такие непонятки:

– По поводу чего – решил?

– Ну-у, я так и думал... – разочарованно протянул Стас. – Вспоминай, вчера мы пошли за Мариной, и я тебе рассказал про своего приятеля, вспоминаешь?

Очень медленно, но в памяти действительно начало всплывать, что после того, как Марина пулей вылетела из квартиры Аристовых, муж моей любимой женщины не оставил этого и убедил меня, что нужно ее найти и вернуть. Любой ценой. И мы отправились в темноту питерской ночи искать Марину. Нашли, но она, не делая скидок на степень нашего опьянения, резво доскакала до проезжей части и умчалась на такси. А мы, пьяные и беспомощные, побрели обратно.

Прохладный ночной воздух меня здорово отрезвил, в моем мозгу даже зародилась мысль, что поступил я с Мариной по-свински. Причем уже тогда, когда привел ее, не пьющую ничего крепче martini, в компанию, где martini считалось чем-то вроде газировки. Но такие уж у меня друзья, да и я сам не лучше – почему, интересно, Марина поняла это только вчера?

Тогда-то, на улице, Стас и завел этот разговор:

– Кстати, – сказал он, останавливаясь и прикуривая, – еще днем хотел спросить, у тебя с клиентурой как?

– Хочешь, работу мне подкинуть? – спросил я, тоже поджигая сигарету.

– Да приятель у меня один есть, влип он по полной про-

грамме. Подозревают в убийстве жены, в Кресты на днях переводят. Жена таблеток наглоталась – чистый суицид – а ему нервы треплют. Адвокат нормальный нужен.

– Если в Кресты переводят, значит, обвинение вынесли, уже не суицид, – заметил я. – Следаки из Следственного не идиоты ведь лишнюю работу на себя брать.

В подпитии я плохо запоминаю имена, зато по работе соображаю, наверное, даже быстрее. Парадокс!

– Ну, припоминаешь? – спросил Стас уже сегодня.

Была пятница, вникать в рабочие вопросы до смерти не хотелось. Я смутно представлял, где я в конце недели найду для Стаса адвоката. Да еще и такого, чтоб за него не стыдно было. О том, чтобы заняться этим самому, и речи не шло.

– Стасик, я убийствами давно не занимаюсь, – неохотно ответил я в трубку. – А приятель твой сам поискать адвоката не в состоянии? Ты-то что дергаешься?

Стас помолчал:

– Он, Леха, сейчас думать и то не в состоянии. И уж тем более не станет сам никого искать. Жена погибла как-никак. Защитника, конечно, вызвали – девочку какую-то, стажерку малограмотную. Сам понимаешь, бесплатно кто ж подсуется²? Возьмешься?

² По законодательству РФ гражданин, которому вынесли обвинение, имеет право на адвоката. В случае неспособности обвиняемого нанять адвоката самостоятельно, его предоставляет государственное обвинение.

Вообще, идеей убийства путем отравления мог заразиться только человек, начитавшийся детективов. При нормальном бытовом убийстве – муж, там, приревновал, с любовником застукал, или просто водки перепил – так, он, скорее, чем-нибудь колюще-режущим воспользуется или душиť ее начнет. Это еще старик-Шекспир заметил. А таблетками травить это как-то... В теории, конечно, много чего можно придумать, но на практике это чаще всего способ самоубийства.

Короче говоря, Стас пообещал, что координаты парня оставит Наде, а я обещал, что как-нибудь заеду. После разговора со Стасом я уныло смотрел на телефон и думал о том, что Марине нужно позвонить и хотя бы спросить, как она доехала. Чтобы не быть совсем уж свиньей. Автоответчик, меж тем, назойливо сообщал, что есть один непринятый вызов. Ни капли не сомневаясь, что этой ночью я совершил еще один идиотский поступок, о котором меня сейчас оповестят, я включил воспроизведение. И, едва услышал голос, у меня натуральным образом отвисла челюсть.

– Здравствуй. Узнал? Это Катя из Старогорска. Зря я, наверное, звоню, да еще так рано, просто захотелось с кем-нибудь поговорить. – Она всхлипнула, и ей богу я подумал, что она плачет. – В общем, я буду около телефона еще минут тридцать, даже сорок пять. А потом вернусь домой только к семи. Если ты не перезвонишь, я пойму, правда... Ну, не прощаюсь.

Еще не дослушав сообщение до конца, я начал набирать

Катин номер, только потом заметил, что с момента ее звонка прошло уже полтора часа, так что трубку на том конце провода, конечно, никто не снял. Хотел было позвонить на мобильный, благо помнил его, оказывается, но вдруг резко передумал.

Дело в том, что наши с ней отношения совсем не те, при которых один запросто звонит другому. Да, около полугода назад у нас было что-то вроде романа, который вполне мог иметь продолжение, как мне казалось, однако, Катя ясно дала понять, что мое присутствие не только безразлично ей, но даже мешает. Так что до сегодняшнего утра между нами было все предельно ясно. И теперь она мне вот так звонит, чтобы пожаловаться на жизнь. Может, она тоже пьяная? Или номером ошиблась?

А, скорее всего, ей как обычно что-то от меня нужно.

– Дядь Леш, а меня точно отпустят? – резко прервал мои размышления о загадочной женской душе клиент.

– Красильников! Какой я тебе дядя Леша? Отпустят...

Славка Красильников был моим клиентом, точнее сыном моей клиентки – девятнадцатилетний оболтус. Первый раз он мне попался, когда ему еще шестнадцать не исполнилось, я тогда батрачил следователем в РУВД и получал зарплату от государства. Славка попался на сбыте наркотиков. Гаде-ныш, сам не употреблял, только продавал в своей же школе, бизнес налаживал потихоньку. Зацепили его тогда крепко,

но пацан Славка неглупый, оперативникам столько информации всякой интересной слил, что те потом на месяц вперед план по задержаниям сделали. Так что отделался условным сроком. Потом ещё мамаша-Красильникова передо мной в благодарностях рассыпалась – вспоминать до сих пор противно. Когда Красильников залетел во второй раз, я уже трудился адвокатом в Тохинной конторе "Фемида-гарант", так его мамаша сразу ко мне и побежала. И вот сейчас опять столкнулись – он опять из-за наркотиков влетел, и опять с полицией дружит – если и сядет, то, вероятно, ненадолго.

– Алексей Викторович... я хочу, чтоб сейчас вот отпустили, до суда. Под расписку, или как там ещё... – делился Славка.

– Сидеть, что ли, не нравится? – я усмехнулся. – Привыкай. С твоим образом жизни когда-нибудь надолго сюда влетишь. Это всего лишь "Кресты", Славик, а после них ещё обычно на зону отправляют. Восемнадцать тебе уже есть, куда-нибудь в Ямало-Ненецкий автономный округ загремишь запросто. Наслышан, небось, про зону-то?

Мы разговаривали в допросном кабинете Следственного изолятора № 1, больше известного в народе, как Кресты. Следователь по Славкиному делу только что зачитал ему обвинение и, в принципе, никаких преград к освобождению под подписку о невыезде быть не должно. Ну, это я потом ещё один на один пообщаюсь со следователем, а пока что я выгребал из пакетов «гостинцы» от мамы-Красильнико-

вой: чай, блоки сигарет, консервы. Красильникова женщина бывалая, знает, что передавать.

– В общем, Славик, не сладко там. Бросал бы ты свою наркоту: ты же не глупый пацан вроде, в институте, вон, учишься.

– Ага, на юрфаке, – тяжело вздохнул Славик. – Я раньше думал, следователем пойду, а оказывается, туда с судимостью не берут. Придется адвокатом...

Допросный коридор я всегда старался миновать быстро, не оглядываясь по сторонам и ничему не удивляясь. Но тут невольно даже к месту прирос и похож стал, наверное, на девочку-практикантку, в первые столкнувшуюся с жестокостью этого мира. Мимо меня контролер вел мужчину лет тридцати-тридцати пяти, арестанта. Но выражение его лица... ей-Богу, покойники иногда живее выглядят. Задержанный шел, с трудом перетаскивая ноги, так, чтобы не потерять по дороге ботинки без шнурков. Брюки были ему чуть широковаты и без ремня норовили сползти³. Видно, что задержанный сзади поддерживает их руками, скованными наручниками. Я отошел к стене, пропуская их. А следом мимо меня проплыл Вова Лихачев – знакомый опер.

– О! Лихачев, место встречи изменить нельзя!

³ При поступлении в ИВС, либо СИЗО у задержанных отбирают некоторые вещи во избежание попыток суицида и нападения на других задержанных – в том числе шнурки, ремни, галстуки, колюще—режущие предметы.

– Никитин?... – Вова окинул меня взглядом и нехотя, как мне показалось, пожал мою протянутую руку. – Ну, здорово. Какими судьбами?

– С клиентом общался. Твоего, что ли, ведут? – я кивнул на задержанного. – Вы тут что, совсем озверели? Вы что с человеком сделали?

– А ты к нему в защитники набиваешься? – огрызнулся Лихачев. – Да этого еще даже в камеру заселить не успели – свеженький.

– А чего тогда он тогда такой пришибленный? Под дурью⁴?

– Под какой дурью?! Он профессор... Жену на тот свет отправил, вот и переживает, наверное, – Лихачев поздно спохватился, что сболтнул лишнее. – Ладно, побежал я.

– Бывай.

К семи часам вечера центром моей квартиры стал журнальный столик с телефоном.

В течение дня я несколько раз порывался позвонить Кате – останавливала только догадка, что утренний звонок был ее очередной уловкой. Но в то же время меня убивала мысль, что ей действительно плохо, и что она нуждается во мне. В какой-то момент я даже представил, что она точно так, как я сейчас, гипнотизирует телефон. Интересно, у кого нервы сдадут первыми?

⁴ Дурь – наркотические вещества (жарг.)

В восемь я понял, что Катя звонить мне не собирается.

В восемь тридцать перестал смотреть на аппарат.

Она позвонила в три минуты десятого и после сдержанных приветствий обронила:

– Я ждала, что ты перезвонишь утром.

В ее голосе мне послышался упрек – меня это даже рассмешило: поразительная самонадеянность!

– Ну, извини, я был слегка занят. Ты же не думаешь, что я бы бросился тебе перезванивать, едва получив твое сообщение?

– А почему бы и нет? – кажется, она улыбнулась. Но быстро спохватилась: – Ладно, Леш, извини – конечно, я не думала. Ну, как у тебя дела? Что нового?

– Ты для этого звонишь? Чтобы узнать, как у меня дела? – я психанул. – Слушай, давай сэкономим время – что тебе нужно?

– Ничего, – растерялась Катя, – просто захотелось поговорить... Леша, а почему такой тон? Я надеялась, что ты хотя бы извинишься, хотя бы попытаешься объяснить, почему за эти полгода даже не позвонил ни разу! Впрочем, я тебя поняла, прости, что побеспокоила.

Ответить я ничего не успел – в трубке пошли короткие гудки, да я и не знал, что мне ответить. Это я должен извиняться?

– Это я должен извиняться? – спросил я через пятнадцать секунд, когда набрал Катин номер, а она сняла трубку.

– А кто – я? – голос был неподдельно возмущен. – Это не я тебя соблазнила, бросила и уехала в другой город!

– Хочешь сказать, я тебя соблазнил?! – я попытался вспомнить события полугодичной давности. – А бросил я тебя потому, что ты меня прямым текстом просила больше тебя не беспокоить.

– Я?! – ужаснулась Катя. – Я тебе такого не говорила! По крайней мере, не прямым текстом...

Между нами повисло молчание – на этот раз неловкое.

– Я и не помню толком, что говорила тогда, – сама же нарушила тишину Катя. – Столько всего навалилось... Словом, я была не в себе.

Сбылась-таки мечта идиота: Катя Астафьева позвонила. Сама позвонила! И пусть завуалировано, но признала, что была не права. Только ненатурально все как-то. Та столичная фифа, невесть как оказавшаяся в провинциальном Старогорске полгода назад, скорее руку бы себе отгрызла, чем признала бы свою неправоту.

– А теперь что-то изменилось? – осторожно, чтобы не спугнуть, спросил я.

– Возможно... – загадочно ответила Катя, и я понял, что она улыбается. Мне нравилось, когда Катя улыбалась. – Леш, – томно понижая голос, позвала она, – чем ты занимаешься? Какие на вечер планы?

– Катюш, у меня все вечера проходят тихо и однообразно: сейчас почищу зубки, а потом баиньки. Ну а ты что делаешь?

– Скучаю. Лежу в ванной. Слышишь, вода шумит?

Вообще-то я ничего постороннего не слышал, но с последним словом Катя явно открыла краник.

– Слышу, – признал я. Разговор становился все более интересным, – и что же во всем Старогорске не нашлось достойного, с которым ты могла поговорить, лежа в ванной?

– Пошляк! – констатировала она и вздохнула: – Представь себе, не нашлось. С нашими комитетскими о чем говорить – о работе? Так если еще и вне конторы о ней говорить, то запросто свихнуться можно. А другие темы себя изживают, не успев начаться.

– А Ваганов? – поддел я. – Ты же так им восторгалась еще недавно.

Катя в ответ чуть не зашипела:

– Даже не напоминай об этом упыре!

– Почему? Куда делся нимб вокруг его головы?

– Этот кровосос спит и видит, чтобы меня из СК⁵ выжить! Что он только ни вытворяет, лишь бы заставить меня уволиться: раньше придирался к каждой мелочи, теперь наоборот делами заваливает. И ладно бы действительно у нас аврал был, но он у полиции работу отбирает, лишь бы мне продыху не было! Но ничего, еще посмотрим, кто кого...

Я даже не знал, что сказать: при всей сложности наших с Вагановым отношений, я знал, что человек он вполне адекватный. А уж «выживать» кого-то с работы – вовсе не его

⁵ Следственный комитет

стиль. В чем я тут же попытался убедить Катю.

– Катюш, ты, по-моему, к Ваганову несправедлива. Он профессионал – если забирает в СК полицейское дело, значит что-то в нем есть.

– Да ничего в нем нет! Вот лица разные значительные замешаны – это да. Квартиру дочки главы нашей администрации ограбили. Все до последней сторублевки подчистили. Дело – сам подумай – чисто полицейской подследственности. С какой стати им СК занимается?

Она еще что-то говорила, возмущалась несправедливостью жизни, а я отвлекся, потому что понял, о каком деле говорит Катя. Та квартирная кража произошла месяца два назад, и дело было достаточно громким, потому что похитили из квартиры родственницы главы администрации далеко не только сторублевки, но и коллекцию старинных золотых монет, стоящую соответственно. Как они попали к дочке старогорского мэра – тема отдельная. В июле об этих монетах не писали только профнепригодные журналисты, резонанс дошел аж до моего Питера. К слову сказать, с Санкт-Петербургом эта история оказалась связана напрямую: ходили слухи, хотя и ничем не подтвержденные, что вывозить монеты за границу собирались именно через Финский залив.

Странно, что Катя этого всего не знает и уверена, что дело рядовое.

Или знает? И звонит, чтобы выпытать у меня подробности питерских наработок по этим монетам? С нее станется...

– Да, вроде бы действительно подследственность полицейская, – осторожно решил я подыграть ей и разведать обстановку. – Но ты Ваганова тоже пойми – его «сверху» попросили себе в отдел забрать дело, а как же он откажет, если давно уже сам в Областную метит?

– Это точно! А хочешь послушать, на каком основании СК возбудил дело? Мы ведь официально как бы расследуем дело об убийстве – Следственный комитет же все-таки!

– Об убийстве? – В деле о монетах, насколько помню, ничего подобного не было. Или, по крайней мере, в газетах об этом не писали..

– Ты обхохочешься... только это между нами, да? – она понизила голос. – Короче говоря, в твоём Санкт-Петербурге буквально неделю убили женщину. Причем с выдумкой так: обставили как самоубийство путем отравления. А эта женщина на беду свою не так давно вернулась из Старогорска. И Ваганов, не долго думая, официальной версией признал, что убитая была наводчицей на ограбленную квартиру. И все это только ради того, чтобы дело попало именно в СК! Ну, не дурдом ли?

– Ага... – пробормотал я. – Убийство, обставленное как самоубийство, говоришь?

– Да ничего я не говорю! Надоел он мне – сил нет!

– Нет сил – увольняйся.

– Не дождется!

– Тогда терпи. Ладно, Катюш, не скучай там, у себя в ван-

ной. Созвонимся как-нибудь, хорошо?

Катя, должно быть, не рассчитывала, что я так быстро прощаюсь, потому и молчала, а я нажал отбой.

Что-то в последнее время в Питере стало появляться много трупов с признаками отравления и с подозрениями на убийство. Интересно, муж моей любимой женщины уже уехал в Москву? Я набрал домашний номер Аристовых – трубку неожиданно снял Стас:

– А ты чего дома?

– Так ты не мне звонишь? Вот я вас и застукал, гады... – мило пошутил Стасик. – У меня билет на ночной рейс, раньше двенадцати не уеду.

– Да? Я тут вспомнил, что ты мне клиента хотел навязать, предложение еще в силе?

Стасик сразу оживился:

– А я уж решил, что ты откажешься. Данные парня у Нади... Или, если на Московский вокзал успеешь, я сам тебе все расскажу.

Кому-то наши отношения обязательно покажутся странными. Марина, которая как-то наблюдала, как я в присутствии Стаса называю Наденьку «своей любимой женщиной» и рассуждаю на тему, что фамилия Никитина ей подошла бы гораздо больше, чем Аристова, презрительно фыркнула. Я даже не знаю, что она в тот момент о нас подумала, но Марина меня тогда бросила аж на целую неделю.

Сколько лет я был влюблен в Наденьку, я и не вспомню сейчас, но с первого по десятый классы она была моей соседкой по парте, и я списывал у неё математику и физику. С русским и всеми гуманитарными предметами у меня проблем никогда не было: грамотность я, можно сказать, впитал с молоком матери, а говорить я вообще могу о чем угодно и сколько угодно. Так вот... Наденька не то, чтобы была первой красавицей, но был в ней тот самый изюм, благодаря которому она давала фору любой красавице. Плюс ко всему была она редкой умницей – рядом с ней любой мальчишка стремился выглядеть умнее, чем есть на самом деле. Училась она всегда на «отлично» и с начальных классов знала, что станет доктором.

У Нади всегда было полно воздыхателей, но серьезных конкурентов у меня не появлялось вплоть до девятого класса, когда наш староста – активист и лидер Антон Березин – твердо решил Наденьку у меня отбить. Да еще перевелся в наш класс пронырливый очкарик Стасик Аристов, который вообще пользовался запрещенными приемами: брэнчал на гитаре слезливые песенки собственного сочинения.

Весь девятый класс я и мои соперники тихо ненавидели друг друга, время от времени устраивая драки на заднем дворе школы, но однажды, в такой же осенний день, как и вчера, Надя нас троих пригласила на свой день рождения. Там мы устроили мини-скандал, распугав остальных гостей, и были выдворены на улицу с указанием от Наденьки не воз-

вращаться, пока не помиримся. На улице мы подрались уже более основательно, в результате чего Березин сломал мне нос. А так как милиция в те времена работала куда эффективней, чем сейчас, то нас заметил участковый и вознамерился отправить на ночь в ИВС⁶. В ИВС никому не хотелось. Мы удирали от патрульной машины проходными дворами, а потом еще полночи отсиживались на каком-то чердаке. Там и пришли к выводу, что все мы трое вполне неплохие ребята, а Наденька... хоть она классная девчонка, но ссорится нам из-за нее – себя не уважать.

По ночному Питеру, проспекты которого наконец-то были свободны, я добрался до вокзала за каких-то полчаса. Стас курил на платформе и, видно, давно уже высматривал меня.

– Здесь его полное имя и телефон следователя, – сразу сунул он мне блокнот с записями. – Так ты хочешь взять дело себе?

– Попробую. В крайнем случае, отдам Тохе. Слушай, а ты этого Аленкова, – я прочитал фамилию моего будущего клиента, – хорошо знаешь?

– Не очень. Но он парень неплохой. Вообще-то Аленков с другой кафедры – историк – мы пару лет назад ездили в один из отдаленных филиалов лекции читать: он по истории, я по гражданскому праву. Ехали в поезде в одном купе, на той почве и сдружились. Закадычными друзьями, правда, так и

⁶ Изолятор временного содержания

не стали, у него вообще характер сложный – друзей немного, весь в себе. А жена его... Честно говоря, я вообще не знал, что Гриша женат. Ты попробуй что-нибудь сделать, а, Лех?

Я пообещал, что попробую.

Сонная проводница объявила, что посадка окончена: мы распрощались, и Стас шмыгнул в вагон. Я подождал, пока поезд не скрылся из виду, докурил и вернулся на стоянку. Думал я о том, насколько можно верить в совпадения. Женщина, убитая профессором с пустыми глазами, Катина отравленная якобы наводчица и, наконец, жена историка Аленкова – тоже отравленная... что если это действительно только совпадения? Но мне очень уж хотелось помочь горе-следовательнице Катерине, потому я надеялся, что во всех трех случаях речь идет об одной женщине. Но гадать я не привык, так что в любом случае нужно встретиться со следователем по делу Аленкова – но это уже завтра. Утро вечера мудренее.

Глава 2. Профессор истории

Субботний день в моей конторе был выходным, но планы у меня сегодня были наполеоновские. Доедая яичницу с ветчиной, я продумывал план действий – кому позвонить в первую очередь и что сделать. И вот, допив кофе, тщательно вымыв и протерев посуду, я разобрал электронную почту и сделал первый на сегодня звонок. Звонил я в СК по указанному Стасом телефону – хоть сегодня и суббота, но вполне могло оказаться, что следователь Зайцев, занимающийся делом Аленкова, на месте. Следователя я в конторе не застал, но добрые люди подсказали, что Зайцев буквально пять минут назад уехал в СИЗО – допрашивать Аленкова. В общем, планы пришлось срочно перекраивать и нестись на допрос.

Полноценного свидания с моим новоиспеченным клиентом тоже не вышло – я едва успел к началу допроса и мог только сидеть и указывать на нарушение прав моего подопечного, если таковые, конечно, имелись.

Следователь Зайцев был приблизительно моим ровесником – приземистым, упитанным и радостным настолько, будто работал не следователем, а конферансье. Что касается моего подзащитного, то его я узнал сразу – именно его вчера вел по этим же коридорам Лихачев, да и в образе его мало что изменилось. На меня клиент даже не посмотрел, проис-

ходящее, похоже, интересовало его мало. Выглядел он совсем плохо: одежда помята, волосы взъерошены, глаза воспаленные. Руки, закованные в наручники, распухли и покраснели, но он этого даже не замечал.

– Пусть с моего клиента снимут наручники, – попросил я. – Куда он отсюда денется?

– Не положено, – отчеканил следователь. Однако, взглянув еще раз на Аленкова, даже он сжалился: не спеша вызвал контролера, и тот слегка ослабил браслеты.

Потом мне позволили полистать уголовное дело.

Здесь были протоколы осмотра места происшествия, обнаружения трупа Аленковой Дарьи Ивановны тысяча девятьсот восемьдесят шестого года рождения, уроженки поселка Южный Московской области. Неработающей. Присутствовали допросы свидетеля, нашедшего ее – подруги покойной, данные которой я сразу переписал себе. Имелся протокол вскрытия трупа: по заключению эксперта смерть наступила в результате паралича дыхательного центра... – далее я пролистнул несколько страниц ничего не говорящей мне медицинской тарабарщины. Вот! А паралич дыхательного центра это следствие принятия внутрь седативного средства фенобарбитал в количествах несовместимых с жизнью. Ну и что? Причем здесь её муж? Обыкновенный суицид, каких за день в Питере происходит десятки. Препараты группы барбитуратов, к коим относится фенобарбитал, излюбленное средство самоубийц. Продается, правда, только по ре-

цепту, но достать этот рецепт не так уж сложно, потому как это всего лишь снотворное – насколько я помню, даже у меня в аптечке валяется пара упаковок.

– Извините, но я лично не вижу здесь состава преступления, – возвращая дело, заметил я. – По-моему, чистый суицид: жена моего подзащитного сама приняла этот препарат. При наружном осмотре тела не зафиксировано никаких повреждений ротовой полости, нет следов борьбы, в комнате идеальный порядок, и нет следов посторонних людей.

Следовательно, слушая меня, только благодушно улыбался, будто я рассказывал что-то очень приятное, и, наконец, спросил:

– А вы прочитали протокол осмотра места происшествия.

– Конечно, – бодро ответил я, – обратил внимание, что рядом с потерпевшей, не было ни предсмертной записки, ни таблеток фенobarбитала...

– Я вам скажу больше, – перебил меня Зайцев, – фенobarбитала не было не только рядом с ней, но и вообще в квартире. Даже лекарств, содержащих его в мизерном количестве, не было. У вас есть этому объяснение? – не скрывая радости, обратился он ко мне.

Признаться, я не нашел, что ответить.

– А я вам скажу, почему флакона нет, – продолжил следователь, – потому что убийца, вынудив потерпевшую принять лекарство, забрал флакон с собой и ушел. Пока только не понятно, зачем... В любом случае, не получается самоубий-

ства, гражданин Аленков, не получается.

– А почему вы исключаете, что жена моего клиента сама уничтожила остатки препарата и флакон – теоретически она могла это сделать.

Зайцев отчего-то рассмеялся противным скрипучим смехом:

– Тогда уж не уничтожила, а подкинула гражданину Аленкову...

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что при задержании в вещах гражданина Аленкова было найдено несколько рецептов на покупку фенobarбитала! – Зайцев сиял, словно начищенный самовар. – Тогда мы обратились к лечащему врачу Григория Григорьевича – мало ли, может, человек болен и ему это лекарство жизненно необходимо. Но нет! Ничего подобного врач не выписывал. Где взяли рецепты, Аленков?

Не мигая, и перестал улыбаться, Зайцев теперь в упор смотрел на моего подзащитного, а тот сжался еще больше – силился сказать что-то и не мог.

– Я... я... – мялся Аленков, – я плохо сплю в последнее время. Рецепты мне продал один знакомый... – он глубоко вздохнул, собираясь говорить дальше.

Тут я его перебил, не в силах больше слушать, как мой клиент губит дело:

– Я прошу прервать допрос. Мне нужно переговорить с моим клиентом наедине.

Зайцев кинул на меня недобрый взгляд, но обвиняемый действительно имел право на свидание с защитником наедине, ответить Зайцеву было нечего. Он медленно собрал все свои бумаги и так же неспешно покинул допросный кабинет. Лязгнул металлический засов, и мы остались вдвоем с Аленковым. Тот молчал.

– Григорий Григорьевич, я знаю, что вы не настаивали на предоставлении вам адвоката и, возможно, в защите ваших интересов не нуждаетесь вообще. Я должен был уточнить это сразу, и мы бы не тратили время попусту. Так вам нужна моя помощь?

В самом деле, может быть, этот профессор—тихоня и грохнул жену, а теперь раскаивается и хочет в тюрьму на большой срок. Для чего мне из—под себя выпрыгивать?

– Кто вас прислал? – не ответив на мой вопрос, спросил Аленков.

– Меня никто не присылал. Но ваш знакомый – Станислав Аристов – передал мне, что вам нужна помощь квалифицированного юриста. Я могу ее предоставить, но и вам нужно кое—что сделать.

Он упрямо молчал – я не сдавался:

– Послушайте, на вас у них ничего нет! Даже факт убийства не установлен на сто процентов. Если грамотно к этому вопросу подойти, то, я уверен, окажется, что вас даже задержали незаконно! Чуть—чуть надавить, и вас уже сегодня с извинениями выпустят на свободу!

– Тебя как зовут? – перебил меня Аленков.

– Алексей.

– А я Гриша, – признался он и вздохнул.

Только в этот момент лицо его выразило нормальные чувства, а не эту аморфную безучастность. И я чисто по-человечески ему посочувствовал: он потерял близкого человека, а мы с Зайцевым – два моральных урода – с пеной у рта спорим, кого хотела подставить Аленкова своим самоубийством.

– Послушай, – снова осторожно начал я, стараясь все же достучаться до него, – тебя ведь не было рядом, когда она принимала эти таблетки?

– Нет! Конечно, нет!

– А могли у нее быть причины это сделать?

– Не знаю... В последнее время она странно себя вела: всего пугалась, вздрагивала без причины, целыми днями просиживала дома взаперти. Когда я думаю, что мог ей хоть чем-то помочь, и не помог...

– Вряд ли ты бы ей помог, если задумала убить себя. Сейчас главное вытащить тебя, поэтому в подробности с Зайцевым не вдавайся – отвечай кратко и по существу. Вот если следователь тебя спросит: считаешь ли ты себя косвенно виновным в ее смерти, можешь ответить, что да, ты чувствуешь свою вину.

Гриша закивал, подтверждая, что так оно и есть.

Да уж ситуация у него – врагу не пожелаешь. А главное,

с каким цинизмом я это ему говорил – а что делать? Сочувствие сочувствием, но лучше пусть потом в церковь ходит и свечки своей Даше ставит, чем зону топтать – по-дурости. Признаться, я не был теперь уверен, что Аленкова покончила с собой, но и то, что убил ее не Гриша, казалось мне очевидным.

Вернулся Зайцев, дожевывая что-то на ходу и пряча за папкой с уголовным делом булочку.

– Ну? Поговорили? – радостно спросил он. – Будете отвечать на вопросы, Аленков?

– Буду, – решительно кивнул Гриша и глянул на меня, ища поддержки.

– Вот и славно.

Тут же посыпались вопросы: имя, фамилия, год рождения, род занятий. Покончив с официальной частью, следовательно перешел непосредственно к делу:

– Аленкова Дарья Ивановна – ваша супруга?

– Да.

– Как давно вы женаты?

– Около года.

– Последние месяцы вы жили вместе?

– Нет... – помялся Гриша, и, вспомнив, видно, мои наставления, ничего добавлять не стал.

Вот и хорошо. Чем больше уточняющих вопросов задает этот Зайцев, тем проще будет понять, в какую сторону он клонит. Ведь должны ж у них быть какие-то доказательства

посерьезней – не косвенные, а прямые. Потому что, что бы я клиенту не говорил, но ни один следователь не вынес бы обвинение Аленкову без достаточных на то оснований.

– А почему вы не жили вместе? – поинтересовался Зайцев.

– Ну... мы собирались оформить развод.

– Прожив вместе всего год? А почему?

– Это личное... – Гриша с мольбой посмотрел на Зайцева.

– Прошу вас ответить, – спросил следователь тверже.

Гриша теперь с мольбой посмотрел на меня. Я еле заметно кивнул. А что? В уголовном процессе нет понятия "неприличный вопрос".

– Мы поссорились. Даша уехала к матери, а когда вернулась, сказала, что встретила другого и подает на развод.

– Значит, ваша жена первой заговорила о разводе?

– Ну да...

– А вы этого не хотели?

– Конечно, нет! – вспыхнул возмущенно Гриша.

– Мой клиент имеет в виду, что как всякий нормальный человек, пытался сохранить семью, – вставил я. – Разумными методами.

– Ну да, ну да... – закивал следователь. А Гриша, похоже, даже не понял, что только что признался, что имел мотив убить супругу. Мотив этот называется ревность. Об этом разводе я не имел ни малейшего понятия, иначе, естественно, проинструктировал бы Гришу.

А Зайцев уже даже не допрашивал, а вел беседу – милую, непринуждённую. Всё-таки хорошо, гад, свое дело знает: Аленков уже расслабился и почти забыл, где он находится и с каким волком в овечьей шкуре разговаривает. А вот я сидел, сжавшись, как пружина: сейчас Зайцев задаст самый главный вопрос. Задаст таким же легким тоном, а Аленков не сумеет сориентироваться и ответит не то...

– Вы давно видели жену?

Гриша вдруг снова напрягся:

– Не помню. Давно.

И тут я понял, что он врет.

Зайцев едва заметно ухмыльнулся – значит, вот их главная улика: есть свидетель, который покажет, что Гриша с женой виделся на днях. Не дай бог ещё, что это было в день смерти Аленковой.

– В конце августа вы были в городе? – продолжил следователь.

– Нет. Я был в командировке.

– В Москве – я это знаю. Григорий Григорьевич, но у меня есть свидетели, которые утверждают, что двадцать восьмого августа – а это, напомню, канун смерти вашей жены – рано утром вы, поговорив по мобильному телефону на повышенных тонах, внезапно сели в свой автомобиль и уехали. Вернулись поздно вечером. Вы были в Санкт-Петербурге?

– Да... – помолчав, ответил Гриша.

А я подумал, что если вдруг сумею доказать невиновность

Аленкова, то это дело станет жемчужиной моего профессионального резюме.

Из СИЗО я направился на Васильевский остров к отделению полиции, на территории которого находилась квартира Аленковых. По дороге купил в какой-то забегаловке стаканчик гадкого кофе и два хот—дога, устроился в машине и принялся ждать. Здесь я вышел в Интернет через мобильник и попытался разыскать поселок Южный в Московской области. И даже не удивился, когда тот нашелся в пятидесяти километрах от Старогорска, где были похищены старинные монеты. Старогорские правоохранительные органы, в частности Ваганов, уверены, что ограблена квартира была с помощью женщины, погибшей при странных обстоятельствах две недели назад в Петербурге... Не бывает таких совпадений! Я на что угодно готов спорить, что их наводчица и есть Дарья Аленкова.

В этом уверен Юрка, а Катя вчера звонила мне и всячески пыталась убедить, что Ваганов подлый непрофессионал, а версия с наводчицей притянута за уши. Зачем, интересно?... Стоп! Ей достаточно было упомянуть то громкое ограбление, чтобы я заинтересовался и попытался через свои связи в это дело вникнуть. Ну, а то, что она обругала Ваганова — это еще проще: чтобы я, дурак, растаял! Мне же эти слова да из ее уст, как манна небесная. Вот... — я долбанул кулаком по рулю ни в чем невиноватой «Бэхи» и попытался придумать

достойное Катьки ругательство, но не успел: из дверей отделения бодрой пружинистой походкой вышел Вова Лихачёв, а ждал я именно его.

Я посигналил несколько раз, только после этого Лихачев изволил посмотреть в мою сторону. Судя по тому, что лицо его ничуть не изменилось, нас с «Бэхой» он приметил сразу, но надеялся проскочить, не поздоровавшись.

– Лихачев, – крикнул я, опуская окошко. – Стой! Куда так торопишься?

– Здорово! Что-то часто мы с тобой встречаться стали, Никитин... – протянул он руку в окно.

– Садись, подброшу куда нужно. Разговор есть, Володя, – мягко и примирительно ответил я.

Лихачев от моего предложения был не в восторге, суетливо оглянулся на крыльцо РУВД и кутивших там полицейских и проворчал негромко:

– Место ты, конечно, выбрал самое то... Давай через два часа у входа в метро, – и, ссутулившись, не прощаясь, пошел прочь.

С Володькой я знаком ещё с тех незапамятных времен, когда был следователем РУВД... Да, было в моей жизни и такое: сейчас с ужасом вспоминаю то время. Какой черт меня дернул туда податься, до сих пор не понимаю? Но, как ни крути, а практически вся моя нынешняя клиентская база сколочена была именно на прежней службе. В те далекие времена мы с Володькой были не то, чтобы большими дру-

зьями, но по работе приходилось пересекаться часто. Правда после того как я «переметнулся», нас уже и приятелями-то назвать можно было лишь с натяжкой: Вова был опером идейным, и предательства — а мой уход он расценил именно так — до сих пор не простил.

Кроме дела Аленкова я на сегодня все равно больше ничего не планировал, так что, дожидаясь Лихачева, поколесил по Острову в поисках более-менее приличной кафешки. На 7—ой линии удалось, наконец, по-человечески позавтракать.

Думал я за едой о том, что если жена Аленкова действительно наводчица на богатые квартиры, то в смерть ее в результате несчастного случая верится с большой натяжкой. Самоубийство тоже как-то не очень подходит. Гораздо вероятнее, что организатор квартирных краж — без сомнения умный и осторожный человек — получив с помощью Аленковой монеты, захотел от нее избавиться. Кому нужен свидетель, способный тебя опознать, да с которым к тому же нужно делиться? А поделившись, всю жизнь бояться, что он тебя сдаст. Самое обыкновенное решение — избавиться от ненужной теперь подельницы, причем лучше всего так, чтобы подозрения не пали на организатора и убийцу. А еще лучше, чтобы убийство вообще было похоже на несчастный случай.

Все мои рассуждения сводились к тому, что Гриша Аленков стал козлом отпущения, но отчего-то случайной жертвой

обстоятельств он мне не казался – слишком многое он скрывал, слишком странно реагировал на события. В день смерти Аленковой мой клиент был, оказывается, в городе – специально приехал из Москвы. Зачем? И почему об этом факте умолчал? Испугался, что его обвинят в убийстве жены? Нет, при первом его допросе ещё никто не сомневался, что это было самоубийство. К тому же скрывать такие вещи глупо, свидетели все равно найдутся. На этот вопрос он даже мне, своему адвокату, ничего вразумительного не ответил.

Правда, был один человек, способный помочь мне в этом разобраться. Прямо из кафе я набрал номер свидетельницы Захаровой, нашедшей труп. В уголовном деле имелся только номер ее домашнего телефона, но и его трубку долго не снимали. Только после седьмого гудка, когда я уже собрался сдать, встревоженный женский голос ответил:

– Слушаю вас!

– День добрый, мне бы Лилию Захарову услышать.

– Нет Лили! И прекратите сюда звонить, слышите?! – выкрикнула женщина, и если бы так отчетливо не слышался испуг в ее голосе, я бы решил, что мне угрожают. – Я в милицию пойду...

После слов о милиции дама разрыдалась. Все мои попытки прояснить ситуацию ни к чему не привели, единственное, чего я смог добиться, это убедил женщину записать номер моего сотового и передать его Захаровой.

Станный вышел разговор.

К назначенному времени я поехал к метро, оставил машину неподалеку и еще минут десять прохаживался по площади с делано скупающим видом. В какой-то момент даже начал психовать, что Лихачев не приедет вообще. Но тот появился минута в минуту. Зыркая из—под бейсболки колючим взглядом, он сходу спросил, в чем дело, причем тут же отвернулся, делая вид, что просто "стрельнул" у незнакомо-го мужика сигарету.

Наши шпионские игры, к слову сказать, не были пустыми перестраховками — это мне ничего не грозило, а если кто из сослуживцев Лихачева узнает, что он является на свидания с адвокатами, могут начать задавать много вопросов. А то и вовсе в предатели запишут, примерно как он меня. Лихачев, наверное, и вовсе бы не пришел, но так уж вышло, что он был моим должником.

— Володь, Аленковым, я слышал, твой отдел занимается?

— Ну, мой... — нехотя подтвердил Лихачев и прищурился: — а ты все-таки защитником к нему заделался?

— Ну, защитником! — весело поддержал я его тон.

— И какие у нас могут с тобой быть разговоры?

— Деловые, друг—Вова, исключительно деловые. Ты тему с ограблением мэра одного подмосковного городка в июле этого года, помнишь? Вся полиция на ушах стояла, наверняка и ваш отдел напрягали.

— Забудешь такое... — Заинтересованность, если она и была, на лице Лихачева не отразилась.

– Так вот, правоохранительные органы этого городка всю примеряют на роль наводчицы на квартиру одну девушку, таинственную смерть которой ты имеешь удовольствие расследовать. Догадываешься, о ком я?

Лихачев же был настроен скептически и только сморщился:

– Чушь! Заняться им там нечем, что ли?

– Мое дело намекнуть. Но учти, сегодня об этом мало кто знает в Питере, и ты еще можешь успеть поднапрячься и заработать себе новую звездочку на погоны. А к понедельнику эпопея со старогорскими цацками возобновится, и тогда уже ты заработаешь только новый пинок за то, что не подсутил-ся вовремя.

– Твой какой интерес? – напрямик спросил Вова.

– Прямой, – честно ответил я, – вы вплотную занимаетесь старогорскими кражами, ищите организатора, он же – зуб даю – убийца Аленковой, и прекращаете мариновать моего клиента. Все счастливы и довольны.

Лихачев, наконец, развеселился, только мрачно как-то:

– Ага, иными словами, ты хочешь, чтобы твоего Аленкова отпустили на свободу. Ты в своем уме, Никитин? Против него статья и доказательства железные!

– Ну, положим, не доказательства, а пшик один – и ты сам это прекрасно знаешь.

Ответить Лихачеву было нечего, он только надвинул бейсболку на глаза, снова ссутулился и буркнул:

– Ладно, созвонимся.

После чего зашагал вдоль Линии, не попрощавшись. Я постоял ещё немного, согласно конспирации, и тоже пошел к своему автомобилю.

Внезапное возвращение Аленкова в город накануне смерти жены все не давало мне покоя. В надежде, что хоть какую-то информацию я получу от его коллег, я поехал в Университет, где тот преподавал. В деканате исторического факультета я в два счета выведал у симпатичной секретарши, что Григорий Григорьевич – первоклассный специалист по истории Восточной Европы, является автором моря статей и нескольких монографий. Командировки у него случаются довольно часто – то лекции и прием экзаменов в филиалах, то приглашения на международные симпозиумы археологов – Аленков ведь историк с мировым именем! В июле—августе этого года мой подопечный был в московском филиале своего Университета, но для чего он мог внезапно сорваться в Петербург двадцать восьмого августа секретарь мне ответить не смогла.

Уже когда я собирался окончить свой рабочий день и поехать домой, раздался телефонный звонок, но номер мне знаком не был:

– Алексей Викторович? – неуверенно спросил тонкий, совсем девчачий голос.

– Да, – ответил я.

– Это Лиля Захарова. Мама сказала, что вы звонили и хотели со мной переговорить... Вы действительно звонили по поводу смерти Даши?

– Да, – снова подтвердил я, раздумывая, чего ради свидетельница вдруг связалась со мной сама, да еще так скоро. Неужели гражданская сознательность? – Лилия, мне действительно нужно с вами поговорить. Где вам удобно встретиться?

– Нигде! – слишком быстро отозвалась Захарова. – Меня сейчас нет в городе, и приехать я никак не могу. Но я отвечу на все ваши вопросы по телефону, – заверила она меня.

Я запнулся: ведение допроса по телефону это что-то новенькое, хотя... А что собственно интересного может сказать Захарова?

– Лилия, расскажите, зачем вы приехали к Дарье утром двадцать девятого августа? – спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

Ничего нового она, конечно, не рассказала: все это я уже читал в протоколе ее допроса. Лилия Захарова – подруга Аленковой. Двадцать девятого девушки договорились вместе ехать на дачу, отдохнуть на пару дней. Встретиться собирались у метро, так как обе живут на Васильевском острове, и вместе доехать до станции, а оттуда на электричке – на дачу. Утром двадцать девятого Лилия полчаса прождала Дарью у метро, но так и не дождалась и отправилась к ней домой. Она долго звонила в дверь, звонила и на сотовый, и на до-

машинный – никто не отвечал. Лиля забеспокоилась.

Дело в том, что и на дачу-то они решили ехать только потому, что Дарья очень переживала из-за грядущего развода с мужем и хотела немного отвлечься. Хотя Лиля подозревала, что есть еще что-то – посерьезней.

Дверь никто так и не открыл, и Лиля отважилась вызвать слесаря. Дарья лежала в постели – в халате, укрытая одеялом, как будто приготовилась ко сну. Но она была мертва. Лиля тут же вызвала полицию.

– Значит, вы уверены, что Дарья покончила с собой? – подвел итог я.

– Конечно... – немного удивленно ответила Захарова. – Не могла же она перепутать лекарства!

– Лиля, а следователь считает, что Дарью Аленкову убили, – произнес я и ожидал реакции Лили. В этот момент я жалел, что не могу видеть её лица.

– Убили?.. – тихо и испуганно переспросила девушка. – Но кому это может быть нужно? Да нет, это ерунда... Или убийцу уже нашли?

В последнем ее вопросе мне послышался неподдельный интерес.

– Следователь считает, что к этому причастен муж Дарьи. А я его адвокат. Собственно, я по этому поводу и звоню: может быть, вы...

– Гриша?! – ужаснулась Захарова, перебив меня. – Нет, вы что-то путаете... Извините, я не могу говорить, я пере-

звоню...

– Лиля, подождите!... – попытался я ее вернуть, но уже слышались гудки отбоя,

– Вот ч-черт!

Где была моя голова! Это же азы делопроизводства: нельзя вести допрос по телефону. Вот теперь Захарова положила трубку и может даже не позвонить больше. А я даже не знал, где находится эта её дача. И звонила она с сотового – адрес без санкции не вычислишь! Ч—черт!

Глава 3. Няня

В бар на Университетской набережной, где теперь уже сам Лихачев назначил мне встречу, первым приехал я. Пока потягивал пиво – ледяное, с ярким привкусом хмеля и легкой горчинкой – подошел Вова. Сглотнул, глядя на мой бокал, и тоже сделал заказ. Несколько минут мы молча пили, думая каждый о своём, о приятном.

– Откуда информация про связь Аленковой со старогорскими кражами? – спросил после Лихачев. Спросил вполне дружелюбно, не так, как вчера. Не знаю, подобрел ли он из-за пива, или из-за чего-то еще, но теперь с ним вполне можно было иметь дело.

– От проверенного человека. Что – подтвердилось?

Вова пожал плечами:

– Аленкова была няней в семье Фарафоновых – тех самых, ограбленных. Взяла расчет за две недели до кражи.

– А что за монеты, действительно таких бешеных денег стоят? И, главное, как они попали к мэру?

Лихачев хмыкнул:

– Такая шумиха поднялась в Старогорске после краж этих монет, что сам глава администрации в больницу с сердцем загремел. Зятя отстранили от работы – он тоже в администрации трудится. Говорят, монеты принадлежали именно

ему. Фарафонову-младшую на допросы таскают. В июле, сразу после кражи, проскочил слухок, что коллекция ушла к нам. Но слух ничем не подтвердился – монеты так и не появились нигде.

Я не стал намекать, что бравые сыщики могли банально «проворонить» вывоз коллекции за границу. Впрочем, Лихачев и сам наверняка это допускал, он ведь далеко не дурак.

– Вот видишь! – воодушевился тогда я. – Организаторы кражи не найдены – это раз, старогорцы установили, что Аленкова и есть наводчица – это два. Не кажется тебе, что нашелся посущественней мотив убить Аленкову, чем ревность? Моего клиента нужно выпускать. Ты с Зайцевым говорил?

– Зайцев упертый... – поморщился Вова. – Ему доказательства нужны. "Против" Аленкова доказательства есть, а "за" – нет, только косвенные. Он не собирается его освободить даже под подписку о невыезде. Главное доказательство – двадцать восьмого, за день до того, как нашли труп Аленковой, её муж был в городе. А что он здесь делал и зачем приезжал, он говорить отказывается.

Так ни о чем и не договорившись, мы с Лихачевым разошлись, но взяли друг с друга слово, что созвонимся, как только станет что-то известно.

Еще во время службы в РУВД я понял, что восемьдесят процентов работников правоохранительных органов это лентяи, мучимые единственным вопросом, где бы заработать

денег. Как говорят гуманисты, не они такие, жизнь такая. К этим-то восьмидесяти процентам я, ни минуты не сомневался, причислял и следователя Зайцева. Так прытко он взялся за Аленкова по одной лишь причине – Аленков сам шел в руки. Представляю, как он на месте происшествия рвал на себе волосы и кричал, что это он во всем виноват. Разумеется, что когда появились намеки, что это убийство, первый, на кого примерили на роль убийцы, был Аленков. Ну а в дело, соответственно, вносились исключительно те факты, которые эту версию подтверждали.

Потому, выводам Зайцева я не очень-то доверился. Вместо этого, сделав себе копии заключения судебного медика, поехал за консультацией к независимому эксперту. К Наденьке, конечно. Дома у Аристовых трубку упорно не поднимали. Я ужаснулся: неужто на работе? Ну так и есть: детей бабушка с дедом забрали на дачу, а скучающая Надя не нашла лучшего развлечения, чем поехать на службу – в морг.

Надя после школы, как и планировала, поступила в медицинский, точнее, в Военно-Медицинскую Академию. Когда-то мечтала она стать хирургом, как отец, ну а потом переклинило что-то, пошла в судебную медицину. Сейчас Надя возглавляет целый отдел и носит погоны майора медицинской службы. В общем, моей любимой женщиной я имею все основания гордиться.

Наденька сидела, конечно, не в морге. Это мне, гражданскому, все здание ее службы чудится одним огромным про-

зекторским отсеком, а вообще у нее там довольно мило: отдельный чистенький кабинет и цветочки на подоконнике.

– Она отравилась не таблетками... – минуты полторы просматривая бумаги, выдала Наденька.

– А чем?

Я отставил чашку с чаем и ждал, что Надя вот-вот скажет что-то очень важное, что позволит в два счета освободить Аленкова.

– Капсулами! – Многозначительно, будто это невесть какая важная информация, закончила она и, довольная, потянулась к коробке с печеньем. Только потом, доев печеньку,, Наденька изволила пояснить: – В желудке и пищеводе медик нашел полурасстворившийся желатин. Оболочки капсул делают из желатина. Странно, что следователь не сделал из этого выводы.

– Какие выводы? – Наденька – единственный человек в мире, перед которым я, не глупый в общем-то мужчина, чувствовал себя дураком. Но она же и единственная, перед кем я этого не стеснялся. – Ну не таблетки она приняла, а капсулы – какая разница?

– Разница в том, что фенobarбитал в капсулах не выпускают – только в таблетках.

– Хочешь сказать, что она отравилась не фенobarбиталом?

Надя закатила глаза:

– Никитин, не расстраивай меня. Хочу сказать, что она

отравилась фнобарбиталом, но, так как его выпускают только в таблетках, то твоя Аленкова перед самоубийством растолкла приблизительно восемь пачек фнобарбитала, пересыпала получившийся порошок в капсулы из—под другого лекарства, а все упаковки тщательно уничтожила.

Она замолчала и потянулась за очередной печенькой. А я с умным видом кивал, боясь выглядеть в глазах Нади еще большим идиотом. Но, поняв, что до разгадки я сам так и не додумаюсь, все же спросил?

— А как ты думаешь, зачем ей такие сложности?

— Ей-то не за чем, но, если допустить, что это было все же убийство, и кому-то понадобилось выставить его самоубийством...

Дальше я уже и сам сообразил: убийце не нужно было дожидаться, когда Аленкова примет фнобарбитал и забирать упаковки. Он заранее — за неделю, может, даже за месяц или два — принес в квартиру капсулу с порошком фнобарбитала и подбросил ее во флакон с какими-нибудь другими капсулами — вполне безобидными. А дальше ему оставалось только ждать, что рано или поздно она ее примет!

— Надюша, ты гений! — искренне сказал я, целуя мою любимую женщину в висок.

— Я знаю, — вздохнула та.

Оставалось главное — понять, как вновь поступившая информация может помочь моему подзащитному. И тут же я

догадался – никак. Аленкову как никому другому удобно было подбросить капсулу с фенobarбиталом, потому как отношения с женой он поддерживал и время от времени в ее квартире бывал. Разве что теперь не имело смысла, был ли он в Петербурге двадцать восьмого августа или не был – на этом я и попытаюсь сыграть, чтобы попытаться освободить Гришу хотя бы под подписку о невыезде.

И все-таки – зачем Аленков приезжал в тот день в город? Почему не хочет об этом говорить начистоту даже со мной? Почему так упорно твердит, что виноват в смерти жены? А может, и правда виноват... Допустим, Аленкова позвонила ему двадцать восьмого, наговорила гадостей – женщины умеют одной фразой настроение портить. Он взбесился, поехал в Питер, основательно с женой поскандалил, после чего вернулся на свои раскопки, а она наглоталась таблеток...

Я понял, что гадать бесполезно – мне нужно собрать побольше информации об отношениях четы Аленковых, а помочь мне в этом могли только приближенные к их семье. В подругах Дарьи, по моим данным, числилась лишь Захаровой. В надежде, что свидетельница уже вернулась, я поехал на Васильевский остров, где та жила.

Дверь в квартиру Захаровой меня озадачила. Много таких дверей я повидал за время службы в РУВД: держалась она на одной петле, вторая вместе с куском ДСП торчала наружу. С другой стороны крепилась к косяку – тоже вывороченному, но грубо прибитому двумя гвоздями. Квартирку вскрыли и,

похоже, совсем недавно.

Двух парней, куривших у окна между лестничными пролетами, я заметил не сразу и пару секунд недоуменно их рассматривал. Те, в свою очередь, смотрели на меня. Это явно были не бесприютные бомжи: оба замерли и даже, по-моему, не дышали, но стоило мне сделать одно неверное движение, как они оказались бы рядом.

Я еще раз скользнул взглядом по двери Захаровой и – вдавил звонок ее соседей.

– Кто там? – настороженно спросил женский голос.

– Полиция! – нагло соврал я и невзначай продемонстрировал парням корочки адвокатского удостоверения, благо, если не приглядываться, они очень похожи были на полицейские.

Дверь приоткрылась на длину дверной цепочки: пара огромных глаз за увеличительными стеклами очков внимательно читали надписи в удостоверении, а я оглянулся назад. Только уже не растерянно, а оценивающе, примерно так рассматривал свой контингент Лихачев и его коллеги. Парни так и сверлили меня взглядом, но не двигались.

Дверь захлопнулась и тут же отворилась полностью.

– Заходите, – хозяйка – худенькая старушка – с ненавистью глянула на тех же парней и захлопнула дверь за моей спиной. Потом торопливо повернула все замки, плотно притворила и внутреннюю дверь. Деловито подтолкнула меня в

сторону кухни – снова закрыла дверь. Села на табурет и потом только прояснила ситуацию:

– Так ты, сынок, адвокатом, значит, будешь? К Захаровым?

– Да... Их, я так понимаю, дома нет?

– Лиля уехала – куда не знаю, не спрашивай! Тамара Васильевна тоже у подруги живет, но каждый день квартиру навещает...

– Сегодня она уже была? – осторожно спросил я.

Старушка внимательно на меня посмотрела:

– А тебе, сынок, она зачем?

– Мне вообще-то с Лилей поговорить нужно. У неё недавно подруга погибла... А что тут случилось?

– Так ты не знаешь, – недоверчиво оглядела меня старушка, как будто прикидывая, имею ли я отношение к тем двум, на лестнице. – Ну, слушай. Меня, сынок, Антонина Николаевна Нестерова зовут. В конце августа это случилось, в пятницу. Уже под утро слышу – звонят к Тамаре Васильевне. Долго звонили. Потом стучать начали. Потом ругаться на всю парадную. Потом слышу: треск – дверь ломают... Я в полицию-то, конечно, уже позвонила, а они все не едут и не едут! В квартиру к Тамаре Васильевне ворвались, разговаривали о чем-то негромко, потом ушли. Полиция только через час приехала, а Лилечка – сама заплаканная, растрепанная – выбежала в парадную: "Уезжайте, – говорит, – сами разберемся". Долго они препирались, потом уехали.

– А кто в дверь ломился? Эти же? – я кивнул в сторону лестничной площадки.

– Они, ироды, они...

– Антонина Николаевна, а Тамара Васильевна не говорила вам, чего от них хотели?

– К Лиле, сынок, приходили. А Тамара Васильевна сама у Лилечки допытаться не смогла.

– А куда Лиля уехала, Антонина Николаевна, вы не знаете?

– Не знаю, сынок. Да и зачем мне это – и Лиле так спокойнее, и мне.

История, конечно, занятная, только на что она мне? Местонахождение Захаровой я по-прежнему не знаю. Остается только надеяться, что она позвонит сама.

Я поблагодарил хозяйку, оставил визитку и взял обещание перезвонить, если Захаровы появятся:

– Да погоди ты, сынок! – старушка костлявой, но крепкой рукой усадила меня обратно. – На следующий день рано утром приехала к Лиле подруга её... та, что отравилась потом. Чуть позже мужичонка приехал. В очках, худущий такой. Как же его она называла? Дай бог памяти...

– Гриша? – еле слышно спросил я.

– Гриша, Гриша!.. – подтвердила хозяйка. – Весь день почти сидели они там втроем. Под вечер только уехали.

Заглянув в календарь, я убедился, что пятница в конце

августа приходилась как раз на двадцать седьмое число.

Лиля Захарова казалась мне все более интересно штучкой. Парни-то на лестнице явно бандитской наружности, а у нее с ними дела. Конфиденциальные. Полиции не касающиеся. И следователю дамочка наврала: на дачу она собралась ехать не из-за каких-то переживаний Аленковой, а исключительно спасая собственную шкурку. Вот и сейчас она спряталась, а я отчего-то был уверен, что так просто ее не найду – но нужна она мне была еще больше. Она могла подтвердить алиби Аленкова, рассказать, что приезжал двадцать восьмого Гриша именно к ней, и что уехал он вовсе не с женой. Я даже понял, почему Гриша обо всем этом молчит как партизан: парни эти наверняка запретили Захаровой обращаться в полицию.

А в Крестах, куда я тотчас поехал прояснять ситуацию, меня ждал сюрприз...

На освобождение Аленкова до суда теперь можно было и не рассчитывать. Выяснилось, что при задержании он оказал сопротивление (интересно, какое именно, если едва ли держал хоть раз что-то тяжелее ручки), помогать следствию отказывается, а сегодня ночью, вдобавок, чуть не устроил побег из СИЗО. "Чуть" – это, конечно, громко сказано. Гриша просто вырвался от конвоя, когда его вывели из камеры на очередной допрос, и рванул вперед. Добежал аж до следующей запертой решетки – на том побег и закончился. Но Зайцеву, естественно, сообщили, что "обвиняемый задержан

при попытке к бегству". И вот теперь сидел передо мной Аленков снова в наручниках – похудевший, осунувшийся, к тому же с разбитой губой и рассеченной бровью. Хорошо, что стрелять не начали, хотя имели полное право.

– Ну и зачем ты устроил этот дурацкий побег? – спросил я.

– Ты не понимаешь, мне нужно выйти отсюда... – Аленков жалостливо посмотрел на меня. – Ненадолго... На сутки хотя бы. Дай закурить?

Я выложил на стол пачку. Гриша жадно вытряхнул сигарету, неловко покрутил её пальцами. Закашлялся, подавившись дымом. Курил он, по всему видно, нечасто.

– Зачем? – спросил я. – Из-за Лили?

Он прямо на глазах осунулся ещё больше.

– Так ты знаешь? А они? – Он, вероятно, имел в виду правоохранительные органы.

– Пока нет. Но узнают, конечно. Где Захарова прячется?

Гриша вытаращил на меня глаза:

– Так она все-таки уехала?! – кажется, он обрадовался. – Молодец девочка... я думал, она меня не слушает.

Гриша снова подавился дымом сигареты и смял её, недокурную, в упаковке из-под маргарина, служившей здесь пепельницей.

– Ты что, не понимаешь – она единственная, кто подтвердит твоё алиби! – вкрадчиво объяснил я.

Аленков же безразлично пожал плечами, будто над этим стоило ещё и раздумывать.

– Кто ее ищет? Чего хотят? – я попытался подойти с другой стороны.

– Её хотят убить, – просто ответил Гриша. – Я сам толком ничего не знаю, она не рассказывала – боится. Я знаю только, что люди они страшные, и что они ей угрожают. Самое верное решение для нее – уехать. А я и здесь могу посидеть, – Гриша дотронулся до ссадины на брови, – здесь не так уж и плохо...

– Как с сокамерниками отношения?

– Уже ничего... – он смущенно улыбнулся, – я в камере чемпион по нардам. Можно заберу? – он беззаботно спрятал мои сигареты в карман. – А то заняться совершенно нечем. И еще... я тут до Ариночки, секретарши моей, дозвонился, попросил ее книги мне собрать и записи мои. Привези мне их в следующий раз, а? Пока тут сижу, хоть монографию закончу.

Я в ответ на это беззвучно бесился:

– Как мне тебя защищать, если ты вообще не помогаешь?!

Тот пожал плечами:

– Ну, ты же адвокат – придумай.

Глава 4. Семья Фарафоновых

Старогорск

Оксана выключила фен и, замерев, прислушалась к звукам внизу. Ну да – телефон! Он ей позвонил, он все-таки позвонил! Ну, наконец-то! Однако не успела и за дверь выскочить, как поняла в очередной раз, что тревога ложная.

– Да, папа. Хорошо, папа. Я ему передам... – монотонно, потухшим голосом отвечала по телефону мама. И уж точно не тому, чьего звонка Оксана так ждала.

Медленно, еле передвигая ноги, словно ей было не восемнадцать, а восемьдесят, она вернулась к себе. Прислонилась спиной к двери, закрыла лицо ладонями и, тонко заскулив, собралась уже расплакаться от обиды на него, от злости на свою слабость и на весь этот несовершенный мир. Но тут же одернула себя – нет, нельзя, не сейчас! Оксана себя знала: даст волю слезам, так весь день и просидит, без толку слоняясь по дому. Надо хоть до Настьки доехать.

Оксана покинула комнату сорок минут спустя, уже полностью одетая: белые брюки-капри, майка, стильный приталенный пиджак. Минимум косметики на лице, волосы благородного пепельного оттенка расчесаны на косой пробор. Мельком оценив себя в большом зеркале в холле, Оксана решила, что никто в жизни не догадается, до чего паршиво у

нее на душе.

– Дочь! – позвала из кухни мама. Оксана закатила глаза, но решила, что лучше подойти.

Маман была во всей красе: в строгом офисном костюме, со сложной прической и тщательным макияжем она стояла, босая, опершись спиной о холодильник, и курила, сбрасывая пепел в миниатюрную вазочку китайского фарфора. Пепельниц в доме не держали.

– Дочь, кто сказал, что нет человека – нет проблемы?

– Сталин, мам, – вздохнула Оксана и сунула матери блюдо попроще. – Это дедушка звонил?

– Дедушка. Пообещал, что когда его выпишут из больницы, он убьет нашего папу. Самолично и с особой жестокостью.

– Ты все из-за тех монет переживаешь? – Оксана цокнула языком и снова закатила глаза. – Да ладно тебе, мам, все равно никто никогда не докажет, что это была взятка. Пройдет пару недель, и они еще сами папу назад позовут, прибегут как миленькие...

И тотчас пожалела о сказанном: взгляд матери стал ледяным и острым, как спица.

– Раз и навсегда запомни: – убийственно тихо сказала мать, – это была не взятка. Даже думать так об отце не смей, ты меня поняла?

– Да поняла, поняла... не маленькая... – мать все еще сверлила ее глазами, и Оксана решила поскорее убраться из

дома. – Ладно, мне пора.

Но добраться до коридора опять не удалось – спустился вниз папа:

– Почему до сих пор не в институте? – угрюмо спросил он.

Другого настроения у отца не было уже месяца два – с тех пор, как случилось это пресловутое ограбление. Оно и понятно: едва всю семью под монастырь не подвел. Правильно дедушка говорит.

– Первых пар нет, – не оборачиваясь бросила Оксана.

Она уже выбрала туфли, но размышляла, не надеть ли каблук пониже.

– У тебя всю неделю первых пар нет, что же за институт такой?

– Обыкновенный, мама выбирала. – Черт с ними, с туфлями, сойдет и так – лишь бы убраться поскорее. – Буду поздно! – крикнула она, так и не обернувшись и вышла вон.

И захлопнула за собой дверь, прошипев в сердцах:

– Как же вы мне надоели все!

Не семейка у нее, а сумасшедший дом! А после того, как городскую квартиру ограбили, и вовсе дома появляться не хочется: все нервные стали, дерганые... Цепляются к каждой мелочи. А главное, было бы из-за чего нервные клетки тратить – про эту взятку уже забыли все, кроме них!

Училась Оксана в Москве, и на дорогу всегда уходила уйма времени, но ей это даже нравилось. За рулем она чувствовала себя уверенно, дорогу любила – столько всего мож-

но передумать за это время. А если еще подгадать и ехать на учебу не к первой паре, а, скажем, к третьей, то вообще красота – пробок почти нет. Одно лишь плохо, когда поздно приезжаешь в Университет – места на парковке не найдешь. Однако сегодня повезло: еще издали Оксана заметила, как отъезжает темно-синяя Шевроле-Лачетти и проворно заняла место. Чирикнула брелоком сигнализации и в полной уверенности, что день сегодня будет удачным, поспешила к знакомому киоску. Здесь купила свежий «Космо», чтобы не скучать на лекциях, а потом, не убирая кошелек, привычно перебежала дорогу.

Студенческая «едашня», громко названная кафе, приветливо распахнула двери – но Оксана не туда, разумеется, направлялась. Левее, в двух шагах от входа, зимой и летом в любую погоду стояла там в поношенном, но опрятном пальто старушка.

– Доброе утро, баб Лёль! – кажется, впервые за день Оксана улыбнулась от души. Положила в картонную коробочку пару сотенных бумажек. – Погодка сегодня неважная, баб Лель, вон и дождь собирается. Может, домой пойдете?

– Постою еще немного, дочка, да пойду, – ласково улыбнулась та.

Оксане отчего-то было приятно слышать это «дочка». Да и сама старушка ей нравилась – ну, по крайней мере, та приседала на уши, как это любят делать старики. Пару раз Оксана даже под ручку доводила ее домой.

Это была *их* старушка. Не торопясь уходить, Оксана молча и выжидающе глядела на нее, пока та не догадалась сама:

– Нет, дочка, и сегодня я его не видела,— горестно показала она головой.

Сколько уже раз она отвечала так? Десять, двадцать? Сколько еще Оксана выдержит?

Слезы подступили к горлу, и она, не прощаясь и не ответив ни слова, поплелась обратно.

Полгода назад баба Леля еще была для Оксаны никем. Девушка в тот день только что расплатилась в кофейне и, заглянув в кошелек, с неудовольствием отметила, что мелочи скопилось много. Приметив эту старушку, Оксана решила высыпать все. Однако, не успев подойти, наблюдала любопытную сцену: к обочине лихо подкатил, поблескивая лакированным бочком, «Лэнд Крузер», и широкоплечий высокий мужчина – Оксана видела его лишь со спины – выскочил, чтобы положить в старушкину коробку денег. Он тронул ее за руку, коротко, но улыбочиво что-то сказал, а после, не оглядываясь, вернулся в машину.

Оксана заморожено проводила его взглядом.

Ее приятели-студенты старушке подавали часто, но исключительно на выходе из кофейни, как и Оксана сплавляя ей лишнюю мелочь. Или же, демонстрируя широту своей души подругам, шедшим рядом. А Оксанин папаша и вовсе, если и переводил какие-то суммы на счета детских интернатов или домов престарелых, то заботился, чтобы ни одна га-

зета не упустил это событие. Оксана же подобную показуху не любила и даже презирала. А то, что она наблюдала сегодня, было, по ее мнению, настоящим мужским поведением.

И молодой, к тому же, и симпатичный. Лицо – тонкое интеллигентное в дорогих очках – показалось ей знакомым... И тут Оксана ахнула: да ведь это с ним ее знакомила Даша вот только на прошлой недели!

Его звали Грег. Оксана не дала ему уйти: слава Богу, что он замешкался, не успев уехать, а Оксана не постеснялась поздороваться. Он вспомнил ее тотчас.

До чего же страшно становилось при мысли, что они могли разминуться тогда...

Лекциям, казалось, конца и края не будет. Оксана честно отсидела три пары в самом дальнем ряду аудитории, даже пыталась записывать что-то. А с последней ушла – надоело. Все надоело.

В «Скорпион» она явилась раньше обычного, еще и семи не было. Маленький, темный и душный подвальчик, где гремела кислотная музыка, и подавали разбавленный дрянной мартини. То еще местечко, но здесь любила бывать Настька, а Оксана лишь ей и могла выплакаться.

Патлатый бармен вяло перешучивался с обкуренной девицей. Оксана постучала по стойке, привлекая внимание:

– Настя уже здесь? – напрягла голос, перекрикивая музыку. И разозлилась: – Да сделай же потише!

Бармен, приятель Настьки – впрочем, здесь все друг дру-

гу приходились приятелями – хмыкнул и, как ни странно, громкость убавил.

– С утра сидит, – он кивнул на дальние столы. – И не одна, а опять со своим провожатым. Выпить налить, красotka?

Оксана поморщилась, но процедила:

– Мартини, – хотя заранее знала, что напиток ей не понравится.

– С десертом? – бармен подмигнул.

Оксана снова поморщилась, но уже, скорее, для вида. И кивнула. От предвкушения даже настрой ее чуть улучшился. Она уже без брезгливости оглядела полупустой зал, заметила подругу и уверенно двинулась к ней. Худая, бледная, как смерть, та умиротворенно смотрела в пространство и даже чуть-чуть улыбалась.

– Привет. Смотрю, давно уже сидишь? – уселась напротив нее Оксана.

– Опять ты? – подруга отвернулась к стене.

– Душевный ты человек, Настя, – укорила Оксана.

– Отстань. Снова будешь на своего Грега жаловаться?

Оксана вздохнула:

– Я ведь люблю его, Настя.

– Ну и дура, – отозвалась та и даже изволила повернуться. – Для дела он тебя использовал и уехал. Дойдет это до тебя когда-нибудь? Вспомни, когда квартирку твоих родителей обнесли, и когда твой драгоценный Грег свалил.

– Опять ты за свое...

Слова эти больно ранили. И опять с опозданием Оксана пожалела, что приехала. Или не пожалела? Она ведь не только ради Насти сюда ездит – пора бы уж себе признаться...

И тут на диван рядом плюхнулся Макс, «проводимый» Настьки, и загородил ей выход из-за столика. Спросил весело:

– О чем сплетничаете, девочки?

– А тебе не все равно? – любезничать с ним Оксана не собиралась.

Этот Макс таскался с Настькой уже неделю и столько же набивался к Оксане в друзья. Даже о любви с первого взгляда что-то говорил. Мерзкий тип. Лишь когда бармен, он же официант, принес Оксанин заказ, Макс отлип от нее, откинувшись на спинку дивана.

– Твой martini, красotka.

Бармен снова подмигнул, снимая с подноса бокал. А после, пока нес бокал на стол, уронил ей на колени маленький бумажный сверток, который Оксана проворно смахнула в сумочку. Так ловко, что никто и не заметил. Довольная собой, уже дрожа от предвкушения, она почему-то даже не отшатнулась, когда этот мерзкий Макс вдруг схватил ее за руку. И крикнул громко:

– Понятые!

К их столику двинулись какие-то люди.

– Да ты!.. Что ты себе позволяешь!.. – Оксана от его наглости слов подобрать не могла. Она попыталась встать, но Макс с силой усадил ее на место, по-прежнему не давая вы-

тащить руку из сумки.

Попыталась подняться и Настька, но рядом с ней молча села на диван женщина с папкой в руках и кожаным портфелем. Тогда-то Оксана прекратила вырываться и слегка растерялась.

– Оксана Викторовна, вы подозреваетесь в незаконном приобретении наркотических средств, согласно первой части двести двадцать восьмой статьи Уголовного Кодекса. Я прошу вас держать руки на столе и предъявить содержимое сумки.

Оксана уже не чувствовала железную хватку Макса на своем запястье – она с силой, почти до крови впилась ногтями в собственные ладони и перевела ненавидящий взгляд на Настьку. Та только отвернулась, пряча глаза и признавая тем самым, что сдала ее именно она.

– Вы все равно ничего мне не сделаете. Вы знаете, кто мой дедушка?

– Знаем, – невесело кивнула женщина. – Но все равно я прошу вас показать мне сумку.

Оксана уже догадалась, что говорить следовало именно с ней. А когда присмотрелась тщательней, то пораженно охнула:

– Подождите, вы ведь... вы допрашивали уже всех нас. В июле, когда квартиру ограбили! Ваша фамилия Астафьева, правильно? – Оксана совершенно не понимала, что происходит.

– Совершенно верно, я и сейчас работаю по тому же делу. – Астафьева помолчала выжидающе. Переглянулась с Максом, а потом сказала уже миролюбивее: – Оксана Викторовна, я могу не заглядывать в вашу сумку, если вы этого не хотите, но взамен вы должны мне рассказать об одном человеке. С ним вас познакомила Дарья Аленкова. Припоминаете?

– Каком человеке?.. – прошептала Оксана, уже догадавшись, что речь идет о Грее.

Они, так же как и Настька думают, что это Грег ограбил их квартиру и сбежал с деньгами.

– Это все ее вранье! – Оксана кивнула на притихшую Настю. – Грег здесь не при чем! Он состоятельный человек – зачем ему грабить нас?

– Вы не думали, что он мог вас обмануть?

– Я знаю, что он не при чем, – отчеканила Оксана. Потом взяла свободной рукой сумку и поставила ее на стол: – Я ничего вам не скажу! Обыскивайте! Только учтите, сегодня вы мне трепете нервы, а завтра вам... – она гневно глянула на следовательницу, потом еще более гневно – на Макса, – и тебе тоже... – она звонко шлепнула его по руке, которая все еще клещами держала ее запястье. – Вам обоим устроят такую взбучку, что вы этот день будете еще долго вспоминать!

И все-таки Оксана жутко, до нервной дрожи боялась, что сейчас в сумке они обязательно найдут сверток с экстази, задокументируют это все и еще дело возбудят. А могут вдоба-

вок и отвезти ее в мерзкую грязную камеру, где обитают самые настоящие преступники. С них станется!

Но девушка больше всего боялась даже не этого. Ведь сегодня, еще до конца рабочего дня папа все уладит. Если понадобится, родители и дедушку из санатория выдернут, чтобы тот помог. А у него сердце. Он после папочкиной взятки с инфарктом слег, а уж единственную внучку он любит всяко больше, чем зятя.

А что ей за эту историю устроит мама!..

Оксана так глубоко погрузилась в собственные переживания, что не видела, какой молчаливый диалог идет между следовательницей и Максом. Макс, в конце концов, поднялся с дивана и двинулся к выходу из клуба. Встал в дверях. Оксана оглянулась на него и убедилась, что даже если сейчас поднимется из-за столика, уйти далеко ей не позволят.

– Вы свободны, – Астафьева сказала это не Оксане, к сожалению, а Настьке, которая пулей вылетела вон. – Оксана Викторовна, сведения, что к ограблению квартиры имеет отношение ваш знакомый по имени Грег, я получила не от вашей подруги.

– Все равно – Грег ни в чем не виноват!

– А Дарья Аленкова? Ее причастность вы допускаете?

– Ее? Вполне! Вот ее-то вам и нужно искать – и я вам это уже говорила.

– Аленкову уже нашли. Мертвой две недели назад в Санкт-Петербурге.

Оксана не смогла найти слов. Настороженно смотрела на следователя и не знала, стоит ли верить.

– Вспомните, кто познакомил вас с Греггом? Именно Дарья, так? – продолжала Астафьева. – Как вы можете ему верить?

– Могу! – стойко ответила Оксана.

– Хорошо, – согласилась вдруг астафьева. – Допустим, человек по имени Грег действительно невиновен. Тогда чего вы опасаетесь? Вы не думали над причиной, по которой он не может вернуться в Старогорск? Что, если ему сейчас нужна помощь – любая, даже правоохранительных органов. Подумайте. Вдруг как раз сейчас у вас есть шанс помочь ему.

Оксана забеспокоилась еще больше: что если это правда? Ведь Грег не мог просто бросить ее – он ее любит, Оксана это точно знала! Тогда почему не едет?

Ему не позволяют это сделать – напрашивался ответ.

А если он все-таки может приехать, но не хочет?.. Тогда он об этом пожалеет!

Санкт-Петербург

– Леш, я сегодня обманула одну девушку. Неплохую в общем-то девушку, только глупую. И, вроде, умную... но глупую. Я пообещала, что помогу ее парню. Но я не собираюсь ему помогать, наоборот, я сделаю все от меня зависящее, чтобы он оказался за решеткой, потому что он убийца. Но это ничего не меняет – я все равно ее обманула. Как ты думаешь, я плохо поступила?

Я шумно вздохнул: Катя никогда не задавала легких вопросов.

– Ну... если бы этот убийца когда-нибудь вернулся к той девушке, вряд ли вышло бы что-то хорошее. Это называется, ложь во благо, Кать.

– Думаешь?

Она замолчала, как будто обдумывала мои слова. Потом снова спросила:

– Значит, ты на меня не сердишься?

Я сперва не понял, что она имеет в виду прошлый свой звонок. А когда понял, усмехнулся:

– У меня силы воли не хватает на тебя сердиться!

– Понимаешь, – начала оправдываться Катя, – если бы я обратилась в официальные органы с официальным запросом, мне бы все равно ничего вразумительного отвечать не стали. Дело о монетах громкое, Питер не стал бы такой информацией делиться. А кроме тебя у меня нет ни одного знакомого в Санкт-Петербурге.

– А почему бы тебе просто не спросить меня. Обязательно нужно все делать с выкрутасами? Со спектаклями?

– Вдруг бы ты подумал, что я звоню только из-за этой кражи!

– А это не так?

– Не так... – тихо ответила Катя. Тут я услышал, как в трубке принялся пищать ее сотовый, да и она заговорила то-ропливо, не давая мне вставить ни слова: – Все. Мне совер-

шенно некогда, созвонимся как-нибудь...

– Кать, подожди, – сумел все-таки остановить я ее, – может хватит нам выдумывать повод, чтобы просто поговорить? Подожди, не перебивай... Ты, наверное, удивишься, но я не помню, что еще в последнее время меня так радовало, как твое вчерашнее сообщение на автоответчике.

Вот теперь я ждал, что скажет она. Только Катя молчала, а на заднем фоне разрывался ее сотовый.

– Скажи хоть что-нибудь!

– У меня телефон звонит... – неуверенно произнесла Катя.

– Хорошо. Тогда я позвоню завтра?

– Как хочешь, только трубку я не сниму.

– Почему?

– Потому что я буду в другом городе. В Петербурге. Не обольщайся, я буду там исключительно по работе, так что можешь даже на цветы не тратиться, – предупредила Катя.

– Исключительно? – с сомнением переспросил я.

– Без вариантов.

Мне показалось, или она произнесла это с улыбкой?

Глава 5. Пропажа

Старогорск

Парня в знакомой темно-синей ветровке Оксана увидела сразу, как только выехала на проселочную дорогу, ведущую к особняку – и несколько раз просигналила.

– Привет, братишка, – поравнявшись с ним, она открыла дверцу, – папеньки, я так понимаю, дома нет?

Это был Пашка – сын отца от первого брака. С родителем, правда, у него отношения были неважные, так что Паша предпочитал появляться в особняке, только когда того не было дома.

– И его, и Ларисы нет – Дениска по телефону сказал. Я давно уже обещал ему заехать, еще месяц назад стрелялку специально для него русифицировал – играет во всякое барахло пиратское...

– Паш, вот только не грузи меня подробностями – и без того тошно, – перебила его Оксана, поморщившись.

– А что так? С парнем проблемы?

Пашка был проницательным, как всегда. Углубляться в эту тему, слава богу, не пришлось – уже въезжали во двор.

Маман перезвонила через несколько часов и предупредила, что они на каком-то банкете у знакомых и вернутся позд-

но ночью, так что Пашка после недолгих уговоров согласился остаться на ужин. Сидели в Денискиной комнате: Паша и младший брат химичили над своей «стрелялкой», переговариваясь малопонятными терминами, а Оксана сидела в углу дивана и подпиливала ногти. Она такие вечера обожала – когда родители были дома, Оксана никогда не могла расслабиться – каждую минуту ожидала, что сейчас или мама начнет допрашивать отца, почему он поступил именно так, а не эдак; или отец будет отчитывать домработницу за то, что та передвинула его «древности», когда протирала пыль; или Дениска начнет канючить и цепляться к матери – а та нервничала, когда ее отрывали от работы, и частенько срывалась. Или, еще хуже, к родителям приезжали гости, и все дружно начинали изображать идеальную семью...

– Как у родителей дела? Краденое не нашли? – не отворачиваясь от компьютера, спросил Павел.

– Смеешься? Нет, конечно. И не найдут уже. Да маман сама не рада, что заявление о краже написала. Пашка, вот она вроде неглупая женщина, полтинник давно разменяла, а думает все задним числом. А я вот сразу чувствовала, что не надо с ментами связываться, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Ксюш, не говори так о Ларисе – она взрослая умная женщина. Наверное, у нее были причины заявить в полицию.

– В том-то и дело, что взрослая, а ума, как у пятилетней!

– Оксан, пойдем на балкон? – предложил Паша.

Девушка нехотя отложила пилочку, поднялась с уютного кресла и вышла за братом. Над Подмосковьем уже была ночь – Оксана поежилась и пожалела, что не захватила свитер. Хотела вернуться, но Пашка поспешно снял свой и накинул Оксане на плечи, заботливо поправив ей волосы и длинные серьги, попавшие под свитер.

Потом он достал сигареты и прикурил, а Оксана ждала, что Пашка сейчас опять начнет оправдывать мать и рассказывать, какая она хорошая. Удивительное дело: отец бросил первую семью, когда Пашке еще не было и трех лет, а ушел он к Ларисе. По всем законам логики, как считала Оксана, Пашка должен был Ларису люто ненавидеть, как женщину, лишившую его отца. Или хотя бы относиться с легкой неприязнью. Но Паша мачеху почти что боготворил. Приписывал ей качества, которых у той и не было никогда. А еще, недавно он объявил Оксане, что ее мама, оказывается, красавица, и самой Оксане стоит многому у нее поучиться.

После этого-то заявления Оксана окончательно поняла, что Пашка влюблен в ее мать – женщину на двадцать шесть лет его старше. Смешно даже! Может быть, поэтому всякий раз в разговоре с Пашей Оксана старалась сказать о маме какую-нибудь пакость – провоцировала его. А вообще-то девушка вовсе не думала о ней того, что говорила. В глубине души Оксана совсем не прочь была стать такой как мама – рассудительной, властной, сдержанной. Да и выглядит маман в свои годы замечательно – чего уж там.

Но Пашка почему-то не бросился защищать мать.

– Ксюш, ты мне денег не одолжишь?

– Да не вопрос, – пожала она плечами, – отдашь, когда сможешь.

С деньгами у Пашки всегда была беда – он толком нигде не работал, мать его не баловала, отец подкидывал разве что по большим праздникам, да и не просил у него Паша никогда. Разве что Оксанина мама частенько снабжала его наличностью.

«Чтобы глупостей не наделал», – говорила она домашним.

Так что просьбе Оксана не удивилась. Но брат все еще испытующе на нее смотрел:

– Ксюш, мне много нужно.

– Ну, сколько?

– Тридцать тысяч... – помялся он.

– Долларов?! – ужаснулась Оксана, и, опасаясь, как бы не услышал Дениска, плотнее прикрыла дверь в лоджию.

– Рублей, – неловко улыбнулся Паша.

– Ну... с собой у меня их нет, но все равно не вопрос – у маман попрошу. Скажу, что на телефон.

– А она не догадается? – сомневался брат.

– Не догадается. Она ко мне в комнату заглядывает раз в пятилетку. И никогда ни о чем не спрашивает – золото, а не мать. Ты мне лучше скажи, зачем тебе столько сразу? Ты что, опять играть начал?

Пашка отвел взгляд, а Оксана поняла, что так и есть. Он

был не очень-то занятым парнем – не работал, институт бросил еще в прошлом году. От армии его папа отмазал. Так что он любил проводить время за игровым автоматом, и иногда слишком уж увлекался. Два года назад, например, он тоже задолжал казино приличную сумму – намного большую этой – тогда все уладила мама, а с Пашки она взяла обещание, что играть он больше не будет.

Пашка, конечно, играл, только Ларисе об этом не говорилось.

– Я попрошу у мамы – и не волнуйся, она не узнает для чего. Только ты действительно отдай их в счет долга, ладно? А не новую ставку делай. И вообще, если бы ты взялся за ум – восстановился в институте, нашел работу хоть какую-то, с папой помирился – он тебя бы и так деньгами снабжал! В любых количествах. Он не жадный.

Пашка скривился:

– Вот только правильную девочку из себя не строй! Сама в «Скорпионе» зависаешь, наркотой балуешься, а мне нотации читаешь.

Оксана снова плотнее закрыла дверь и зашипела:

– Ты еще при Дениске это сболтни! Дурак! Да от твоих сигарет, хочешь знать, вреда больше, чем от моих таблеток. Никогда больше не буду тебе ничего рассказывать!..

Оксана отвернулась и попыталась насупиться, а Паша рассмеялся:

– Ты это в Интернете, наверное, прочитала, да? Ты скоро

на Настю свою будешь похожа, доиграешься. Ладно, поздно уже, пойду с Дениской попрощаюсь.

Оксана, чтобы показать, как она зла, даже не предложила довести его до станции.

Рано утром в понедельник позвонил Макс – тот самый, который оказался ментом – и потребовал, чтобы Оксана приготовила одну из фотографий Грегга. Фотографии, разумеется, были – немного, но были. Когда Грегг приезжал в последний раз, они много гуляли по Москве, взявшись за руки, иногда фотографировались на Оксанин мобильный телефон – эти-то фотографии она сейчас и искала. С телефона она давно, еще при Грегге, перенесла их на компьютер, да больше и не просматривала, наверное, ни разу. Зачем? Ведь Оксана и так вспоминала его лицо каждый раз, как закрывала глаза. Иногда, правда, ей хотелось посмотреть, насколько хорошо они смотрятся вдвоем, но девушка, видимо, так хорошо спрятала фотографии, что найти их и не удавалось...

«Но сейчас-то нужно обязательно найти!» – твердо решила Оксана, села за компьютер и начала методично просматривать все папки, где могли бы быть фотографии.

Забеспокоилась она, только когда поняла, что просматривает папки по второму кругу – фотографий на компьютере не было.

Исчезли.

Испарились.

Но как? Сама они их уничтожить не могла, значит, кто-то добрался к ее файлам и стер фотографии...

Оксану внезапно охватила такая ярость, что она не задумываясь, сейчас же убила бы того, кто это сделал! Мерзкий Макс? Нет, иначе бы он не просил бы ее найти фотографии. И, потом, ему бы никто не позволил проникнуть в особняк. Это сделал кто-то из домашних!

Мама? Вряд ли, она слишком уважает частную жизнь Оксаны.

Папа? Тем более нет – он бы не обратил внимания на снимки, даже если бы на них Оксана обнималась с каким-нибудь зеком в наколках.

У Оксаны мелькнула мысль, что это вполне мог сделать кто-то из домашней obsługi – дверь в комнату девушка не привыкла запирать, да и паролей на компьютере нет, но вдруг ей гораздо более перспективной показалась мысль, что это сделал Дениска. Этот юный хакер, когда не было новых стрелялок, обожал дразнить тем, что копался в ее компьютере. Не раздумывая, Оксана бросилась в комнату брата:

– Ты к моему ноуту подходил? – Оксана встала в проеме дверей и скрестила руки на груди.

– Не-а! – буркнул Дениска, не отворачиваясь от любимого компьютера.

Оксана была упрямой девушкой и просто так не сдавалась. Она подошла и больно схватила брата за ухо:

– Признавайся, мелочь, ты фотки удалил?

– Ай! – взвизгнул мальчишка. – Больно! А чего сразу я-то? Может, это вообще Пашка – он вчера за твоим компом сидел! Пусти!

– Пашка?.. – растерялась Оксана и оставила в покое яркое—малиновое Денискино ухо.

– Все маме расскажу! – слезливо пообещал брат.

Оксана его не слышала. Словно зомби она вышла в коридор и вернулась к себе, постепенно понимая, что кроме Паши действительно никто этого сделать не мог. Бог его знает, зачем ему фотографии – может быть, мама начала о чем-то догадываться и рассказала ему, а он и рад стараться. А может быть, его попросила эта дура Настька – они ведь общаются. Или, еще хуже, полиция его заставила... Да какие угодно у него могли быть причины, важно, что он наплевал на их дружбу и выкрал фотки.

Девушка, плохо соображая, что делает, нашла телефон и набрала номер Пашки. Она тогда и не думала, что скажет ему. Наверное, что-нибудь грубое, резкое, чтобы отомстить...

– Да! – устало ответил старший брат.

– Я знаю, что это ты удалил фотографии, – не своим голосом произнесла Оксана. Она была очень зла.

– Какие фотографии? – спросил он и ждал ответа.

Оксана тоже молчала, хотела, чтобы он признался сам.

– С Грегом твоим, что ли? – ответил, наконец, брат и усмехнулся.

Точно – он. Откуда еще Пашка мог знать про Грегa, Оксана ведь ему ничего не рассказывала. Еще и издевается...

– Ты, ничтожество, – звенящим от ярости голосом сказала она, – если ты сегодня же, сейчас же не вернешь фотографии, я... я тебя приблю! Раздавлю! Я сделаю так, что ты больше ни копейки не получишь, ни от мамочки, ни от папочки. Ты вообще дорогу сюда забудешь!

– Ты кем себя возомнила, принцесска? – в голосе Паши появились холодные и очень неприятные нотки. – А теперь слушай – фотографии твои я не брал и даже не видел их. Ты подумай лучше, кто из приятелей твоего Грегa мог в компьютере копаться. Кроме тебя ведь еще кто-то помогал ему родителей грабить, правильно? – он снова усмехнулся, давая понять, что знает все. – Ты меня поняла? А теперь валерьянки иди попей, истеричка.

И отключил телефон.

Оксана стояла посреди комнаты – растерянная и испуганная. Пашка тоже считает, что квартиру ограбил Грег. Кроме того, он думает, что она, Оксана, Грегу в этом помогала! И ведь он собирается рассказать эти бредни родителям... А они могут и поверить. Стоять не было сил. Хотелось добраться до кровати, зарыться под одеяло, под подушки и заснуть – навсегда заснуть. Чтобы не слышать, что наговорит мама, отец, дедушка. Как жить после того, как вся семья решит, что она воровка, позор семьи – она не знала.

Оксана лежала, укутавшись в одеяло, без сна, с сухими

воспаленными глазами, час или два. Ее знобило, но истерика дано прошла, мысли строились на удивление плавно и логично. До сего дня девушка была уверена, что персональный конец света наступит для нее, если Грег никогда больше не приедет. Сейчас же она вдруг поняла, что могут произойти вещи гораздо более неприятные.

Нельзя, ни в коем случае нельзя, чтобы на семью пала тень. Пропадет семья – пропадет и сама Оксана. А сейчас еще она вполне может все исправить.

Девушка резко откинула одеяло, тщательно причесалась у зеркала, до конца продумывая план. Убедившись, что в коридоре никого нет, она пробралась в комнату родителей, заперла за собой дверь и прошла к маминому туалетному столику, в стену рядом с которым был встроен сейф. Дверца сейфа никогда не закрывалась – этим-то Оксана и воспользовалась, вытащив коробку с гарнитуром из жемчуга и бриллиантов – самый дорогой в маминой коллекции. Потом, подумав, она стянула с ушей свои любимые длинные серьги, хорошо помнив, что вчера до них дотрагивался Пашка. Все это она сложила в футляр с гарнитуром, а сам футляр замотала в один из маминых шарфиков.

С чувством выполненного долга Оксана уже в своей комнате уложила сверток в простенький пакет, схватила ключи от машины и покинула дом.

Санкт-Петербург

Авторadio еще минут пять назад «порадовало», что на уг-

лу Невского и Маяковки столкнулись два автомобиля, в результате чего движение встало, так что застряли мы с Катей и Бэхой, видимо, надолго. Впрочем, мне это не мешало нисколько, Кате, я думаю, тоже. Да и другие водители, давно привыкшие к несовершенству городских магистралей, не нервничали, а занимались своими делами. Только вот тот, кто оказался непосредственно за нами, ежеминутно начинал вопить, что он, мол, торопится. Вопросал у соседей, почему, интересно, стоим, куда катится этот мир и вообще, не надо было голосовать за Путина. А еще, как только перед нами освобождали клочок асфальта, он принимался остервенело сигналить, как будто, если моя Бэха продвинется на два метра вперед, ему станет легче.

Но в этот раз мы с Катей решили быть непреклонными: я сделал музыку погромче, чтобы не слышать его воплей, Катя перегнулась через коробку передач, устроилась у меня на груди и продолжила прерванный поцелуй.

– Уснул ты там, что ли?! Проезжай, проезжай!!! – Крики прорывались сквозь лирику Фредди Равеля, льющуюся из магнитолы.

– Надо было Рамштайн ставить, – заметила Катюша.

– Кать, может, все-таки проедем? – я попытался усадить ее на место, потому что мне после ее поцелуев еще надо было как-то машину вести.

– Перебьется. Подождет еще пять минут.

Она зарылась теплыми ладошками мне под рубашку, и

мне даже любопытно стало, что она собирается за эти пять минут сделать. Но теперь непреклонным был я:

– Все! Сядь на свое место. Далеко сядь, – на радость стоящего позади я таки проехал вперед на те самые два метра.

– Зануда ты, Никитин... – фыркнула Катя, собирая за колкой ворох медно—золотых волос. – А этому... я сейчас устрою! Сейчас достану свое следовательское удостоверение – спорим, что сразу заткнется?

– Ага, только помаду сначала поправь, следователь, – усмехнулся я.

– Ты тоже! – огрызнулась Катюша и бросила в меня влажную салфетку из своей косметички. – Кстати, а куда ты меня везешь?

– К себе. А ты имеешь что-то против?

– Да нет, но мне нужно сегодня встретиться со следователем по делу Аленкова...

– С Зайцевым? Так он по понедельникам только с двух часов принимает. У нас уйма времени.

Катя слегка нахмурилась и насторожилась, словно стирание помады было очень интеллектуальным занятием:

– А откуда это ты так хорошо знаешь его график? Ты что разговаривал с ним? – в голосе ее был неподдельный ужас.

– Катюш, конечно разговаривал. Ты же сама хотела, чтобы я разузнал, какие слухи ходят об этом деле.

– Так слухи, а не информация из первых уст!.. Так, и в качестве кого ты с ним общался? Леша, только не говори,

что ты защищаешь интересы Аленкова.

Ненавижу, когда она задает провокационные вопросы... Я действительно был адвокатом Аленкова, но, когда подписывал договор, представить себе не мог, что мне придется соперничать с Катькой.

А ей словесного подтверждения от меня и не требовалось – она уже все поняла:

– Леш, ты хоть понимаешь, что ты сделал? Я же рассказала тебе практически все, что мы в Старогорске нарыли по этому делу, а теперь ты собираешься эту же информацию пустить против меня?! Ты вообще в курсе, что это тайна следствия, что за ее распространение тебя могут засудить!

– Ерунда, кто меня засудит? Я не подписывал никаких бумаг о неразглашении... – машинально ответил я и тут же об этом пожалел.

Катя дернула ручку дверцы, чтобы выскочить из машины, благо мы опять стояли, но я успел нажать блокиратор:

– Кать, не валяй дурака! Я взялся его защищать только потому, что Аленков действительно невиновен! Да ты сама будешь его допрашивать и поймешь, что к твоей краже он никакого отношения не имеет!

– У меня есть свидетельница, которую Аленков соблазнил, и с ее помощью получил доступ к квартире Фарафоновых. Выпусти меня из машины. Я не хочу, чтобы нас видели вместе – я вообще не имею права с тобой разговаривать в нерабочее время.

Ну что я мог на это ответить? Катя вышла из автомобиля, огляделась и бодро зашагала вдоль дороги. Самое досадное, что я опять не знал, когда увижу ее: может быть еще через полгода, а может, она позвонит мне к вечеру и извиняющимся голосом скажет, что вспылила — я не могу предугадать ее действий. Странно, что даже в этой ситуации у меня и мысли не мелькнуло отказаться от защиты Аленкова.

Не успел я выбраться из пробки, как на сотовый мне позвонили — отобразился номер следователя Зайцева. Он почти торжественно объявил мне, что в двенадцать часов дня начнется допрос моего подзащитного Аленкова по делу о причастности его к квартирной краже в Старогорске. Я мысленно поаплодировал Катерине — чтобы уговорить Зайцева начать рабочий день на два часа раньше, определенно нужны способности.

Допросный кабинет Крестов, наглухо запертый снаружи, казалось, был изолирован от всего мира. В отдалении лязгали решетки, трещали с потолка лампы дневного света, но в кабинете все равно царил тоскливый полумрак. Катя сидела вполоборота ко мне, закинув ногу на ногу, и покачивала носком туфельки. Она, хмурясь, листала протоколы предыдущих допросов и делала вид, что в упор не замечает моих взглядов. Между нами сидел не менее хмурый Зайцев, сосредоточенно глядел в компьютер—наладонник и, несмотря на вырывающиеся оттуда веселенькие электронные мелодии,

занимался, конечно, важным делом.

Аленков держался сегодня намного лучше, по крайней мере, безысходности в его взгляде не было – только ленивая усталость, с которой он отвечал на вопросы Катерины. За-нервничал он лишь раз, когда Катя упомянула, что она "по другому делу". О чем конкретно Катя собиралась говорить с Аленковым, я понятия не имел, а начала она издавека: полное имя, где родился, чем зарабатывает на жизнь, и все в таком духе. Наконец, пошли вопросы о Гришином знакомстве с Дарьей Мерешко – это девичья фамилия его жены.

– Мы познакомились в Австрии, в Вене, в июле прошлого года. Даша там отдыхала, а я был на конференции археологов, представлял свою недавно вышедшую монографию. Называется «Аналитический метод в исследовании монет Восточной Европы XVII века». Между прочим, ее очень хвалили и мне настойчиво предлагали вести курс лекций.

– Григорий Григорьевич, – любезно спросила его Катя, – значит, вы монетами увлекаетесь, правильно я вас поняла?

Аленков, по-моему, смутился:

– Ну, есть немного. Теме исследования средневековых монет я посвятил девяносто восемь больших статей и две монографии. Третья пока в производстве.

– Наверное, у вас и коллекция монет имеется?

– Конечно, имеется. Совсем небольшая, правда, но у меня есть несколько довольно редких экземпляров. Кстати, в монографии, которую я сейчас пишу, я упомяну одну из своих

монет.

– А монет времен Екатерины II у вас случайно нет?

– Екатерины? Нет... я российские монеты не коллекционирую. Но в моей новой монографии я обязательно затрону и тему российских монет...

– Времен Екатерины?

– Да нет же! Но она и без Екатерины, я уверен, произведет фурор в нумизматической науке... если я отсюда когда-нибудь выйду, конечно.

Он тяжело вздохнул, но по изумрудным Катиным глазам я видел, что на фурор в науке ей плевать, она хочет Аленкова как раз засадить на всю жизнь.

– Мы говорили о вашей супруге, – напомнила она.

– Даша тоже увлекалась монетами, – снова вздохнул Аленков. – Отдыхала она вообще-то в Бад—Киссингене, в Германии, но, узнав о конференции археологов, специально поехала в Вену. После моего доклада она подошла, мы разговорились...

– До этого вы с Мерешко никогда не встречались?

– Нет, конечно.

– Ясно. А где жила Дарья до вашей встречи?

– В Петербурге, кажется.

– Она коренная петербурженка?

Гриша ответил не сразу:

– Понятия не имею... – страдальчески морщась, признался он. – Коренная—некоренная – какая теперь уж разница?

– Разница есть, Григорий Григорьевич. Вспомните, пожалуйста, наверняка Дарья рассказывала что-то.

– Я не знаю. Мы с ней об этом не говорили. Подождите, у неё мать ведь жила в Московской области, кажется. Она ещё к ней уехала... тогда...

– Когда – тогда? – быстро спросила Катя.

Гриша замялся.

– Вы крупно поссорились с Дарьей, и после этого она уехала к матери, так? – ответила за него Катя. – А как назывался этот город. Вспомните, пожалуйста.

– Послушайте, что вы ко мне в душу лезете! – взбесился вдруг Гриша. – Какая разница, что это за город... Какое вам дело до наших с ней отношений! – Гриша привстал и густо покраснел от гнева.

Я поспешно придержал его за рукав и в полголоса попытался утихомирить. Когда Гриша успокоился и сел на место, Катерина Андреевна принялась учить его жизни:

– Я процессуальное лицо, Аленков, и имею право задавать любые вопросы, которые сочту нужными. Так вы никогда не были в родном городе вашей жены и не виделись с её родственниками?

– Нет, – сквозь зубы ответил Гриша.

– Хорошо. На что жила Дарья до вашей встречи? Она работала?

– Не знаю.

– Она знакомила вас со своими друзьями, родственника-

ми?

– Нет.

В абсолютной тишине под треск лампочек Катя записала подробности диалога в протокол, после чего, слегка прищурившись, спросила:

– Григорий Григорьевич, вот вы сказали, что Дарья никогда не знакомила вас со своими друзьями. Вы уверены в этом? – и быстро добавила: – помните, что за дачу ложных показаний вы несете уголовную ответственность.

Гриша смешался и бросил взгляд на меня – наверняка был уверен, что я проболтался Катьке о Захаровой. Но я сам ничего не понимал – я ведь ни словом о Захаровой не обмолвился!

– Я имею в виду Оксану Фарафонову, вы ведь с ней знакомы?

– Я не знаю никакой Оксаны Фарафоновой, – довольно натурально покачал головой Гриша.

– Как же так? – удивилась Катя. – А она вас знает.

Аленков безразлично пожал плечами, что в его положении было самым правильным. А я подумал, что он очень способный ученик – еще немного и он сам будет давать мне советы, как отвечать на Катькины вопросы.

Мы с Аленковым по очереди подписали Катины протоколы, и она ушла, даже не взглянув в мою сторону. Я, скомкано попрощавшись с Гришей, догнал ее уже на проходной. Аленков меня удивлял все больше и больше – про свою супругу

он не знал вообще ничего! "Кажется петербурженка..." — он даже этого не знал точно! Чем занималась? На какие такие средства отдыхала в Германии?

На Арсенальной набережной, там, где вечно толпятся родственники заключенных, Катю преданно дожидался опер Вова Лихачев, мы неохотно поздоровались. Разговаривал со мной Лихачев лениво, через силу.

— Ваш Аленков всегда такой дерганый? — спросила Катя, не обращаясь ни к кому, а, опершись о гранитный парапет, глядела с набережной вниз, на Неву. День был на редкость жаркий — ветра не чувствовалось, мутно—зеленую воду искажала только легкая рябь. — Я думала, он кинется меня душиТЬ.

— Он не дерганый, Кать, ты хотя бы попытайся его понять: жена погибла, а наши доблестные органы мало того, что утверждают, что она была убита, так еще и его самого обвинили в убийстве. Представь, что он сейчас чувствует! Да к тому же он — ученый! С мировым именем, между прочим, а его в наш российский "обезьянник" засунули с соответствующим контингентом...

— А что ж его, — с вызовом спросил Лихачев, — в отдельную камеру для VIP—персон? Он убийца, а убийца должен сидеть в тюрьме!

— Ты докажи сначала, — бросил я с легким раздражением. — Все доказательства против Аленкова вилами по воде писаны, а то, что его до сих пор здесь держат, только лишний раз

подтверждает, какой бардак творится в вашей системе.

– Давно ли ты сам в этой системе работать перестал?

– Перестал – решающее слово, друг-Вова! – спорить мне с ним было откровенно лень. – Ребята, может, посидим где-нибудь – тут недалеко кафешка...

– А нам, друг-Леха, некогда по кафешкам рассиживать! Пойдем, Катя?

От меня не укрылось это фамильярное "ты", но и почти робкий голос бравого опера я тоже отметил.

– Пойдем, Володя, – милостиво согласилась Катерина, отрывая взгляд от реки. – До свидания, Алексей Викторович, нам действительно нужно работать.

Этот "Алексей Викторович" меня добил окончательно – конспираторша, блин... Лихачев к ней явно клеится, ему она – "Пойдем, Володя..." – елейным голоском, а мне, значит "Алексей Викторович"...

Долго ещё я не мог сосредоточиться на деле Аленкова.

Глава 6. Друзья

План Оксаны был прост – оставить сверток с украшениями в квартире Пашки. Причем с таким расчетом, чтобы он попался на глаза его матери. С ней Оксана была немного знакома – выгораживать сына она точно не станет, побежит жаловаться Оксаниному отцу. А родители к этому времени уже будут подготовлены: мама обнаружит пропажу гарнитура и первым делом, конечно, спросит у Оксаны.

Девушка уже в деталях представила эту сцену... Она невинно хлопнет ресницами и растеряно произнесет «Я не брала... Скорее всего Дениска с ними играет». Мать направится к Дениске, а тот, как сегодня утром, переведет стрелки на Пашу. Сам же и проболтается, что старший брат вчера заезжал, что сидел за Оксаниным компьютером. А она вдруг «вспомнит», что в последний раз свои любимые сережки видела как раз на столике рядом с компьютером. Мама побледнеет и начнет ее допрашивать с пристрастием, зачем Пашка приезжал. Оксана будет долго ломаться, а потом «признается», что приезжал он потому, что снова проигрался в казино, и ему понадобились деньги. Он просил у Оксаны, но у нее, естественно, таких денег нет! Вот Пашка, видимо, и решил одолжить Ларисины украшения...

Конечно же, после этой истории родители не поверят ни-

каким рассказам Пашки о Грее.

Только на мгновение задумалась Оксана, что поступает не очень хорошо, но тут же эти мысли прогнала. Она делала это только для спокойствия родителей и бабушки! И вообще, Пашка первый начал – пусть теперь расплачивается. Да, и не съедят ведь его родители: не станут же они в полицию заявлять! Деньги карманные какое-то время давать не будут, да ему не привыкать... Поругают немножко и забудут.

Ее гениальному плану мешало только одно – она не знала, как попасть в квартиру Пашки. Даже если Оксана приедет к нему якобы мириться, все равно у нее не будет возможности, как следует спрятать украшения – квартиру брата она знала плохо...

Но девушка не сомневалась, что что-нибудь придумает.

Сейчас Оксана мчалась в «Скорпион», чтобы найти Настьку. Рассказать брату о Грее могла только она – больше никому! Ну и устроит она сейчас этой идиотке...

– Настька здесь? – едва ворвавшись в клуб, спросила она у бармена Кузи.

– Только что ушла, минут тридцать назад. Дозу взяла и уехала.

– И что не вернулась до сих пор? – Оксана пытливо искала глазами по залу, но подруги действительно не было.

Кузя пожал плечами – ему было все равно.

– На дорожку ничего не хочешь? – спросил он, увидев, что Оксана собирается уходить.

Девушка задержалась. Еще свежи были воспоминания, как эта парочка из полиции шантажировала ее – а она совсем ничего не могла сделать. Ей очень не хотелось попасть в подобную ситуацию снова. С другой стороны, ей так необходимо было сейчас спокойствие и умиротворение, которое приходило только после принятия порошка.

Руки сами потянулись за кошельком.

Жила Настька в высотке как раз напротив «Скорпиона», к ней домой, не долго раздумывая, Оксана и направилась. Задержалась у машины – сверток с украшениями лежал на сидении рядом с водительским, и девушка справедливо решила, что лучше бы его здесь не оставлять – район неблагонадежный, мало ли...

Настя обитала в однокомнатной квартире одна. Родители ее – как ни странно оба бывшие преподаватели, интеллигенты – давно разошлись: мать несколько лет назад вторично вышла замуж и жила сейчас в другом городе. Отец, вроде, занимается бизнесом – стал довольно состоятельным человеком. Поднявшись на нужный этаж, Оксана хотела было позвонить, но дверь от первого же ее прикосновения медленно и со скрипом уплыла вглубь.

Девушка насторожилась. Да, Настька была наркоманкой, но она еще не опустилась до того состояния, когда квартира превращается в притон, заходят все, кому не лень, и не найдешь ни одной вещи, кроме шприца, жгута и алюминиевой

ложки. И двери обычно она запираала...

Оксана осторожно вошла в прихожую.

– Настя! – громко позвала она.

Никто не ответил. Оксана быстро прошла в кухню, где чаще всего можно было застать подругу, но и здесь никого. Только рядом с газовой плитой стояла кастрюлька с остатками присохшего к стенкам лекарства⁷ и шприц, перемазанный кровью. Потом Оксанин взгляд упал на ополовиненную бутылку, на этикетке которой написано, что это коньяк – тот, что по сто рублей за литр.

– Ты что, спиртное с герычем смешивала?... Ну, ду-ура...

Оксана оставила сверток с гарнитуром на кухонном столе и метнулась в комнату, но и здесь было пусто. Только сейчас она ощутила вдоль позвоночника неприятный холодок.

– Настя...

Оксана звала уже почти жалобно, она снова вышла в коридор и теперь чуть не вскрикнула: Настька полусидела в углу между входной дверью и стеной – потому-то Оксана ее не увидела, когда вошла. Подруга дрожала всем телом, страшно закатив глаза. Оксана в один прыжок оказалась на полу, рядом, положила ее голову себе на колени и принялась хлопать по щекам, приводя ее в чувства.

– Настька! – тормошила ее Оксана. – Вот дурища-то, дурища... Зачем ты эту дрянь пила?! Да еще под героин!

С третьей попытки ей удалось все-таки дозвониться до

⁷ Одно из уличных названий героина

скорой и вызвать бригаду. Нажав отбой, Оксана вздохнула свободней – все, что могла, она сделала. И даже Настька уже трястись перестала, вот только лицо ее, и без того бледное, стало сперва безжизненно-белым, матовым, а потом начало синеть...

– Настька! Настька! – уже кричала девушка, не на шутку испугавшись.

Подруга была в сознании – мертвой хваткой она вцепилась в Оксанину руку, беспомощно вращала глазами и как будто силилась сказать что-то, но не могла. Не сразу Оксана сообразила, что она не дышит, точнее не может вдохнуть – словно ей что-то мешало.

– Сейчас, Насть... сейчас... – прямо на полу Оксана перевернула Настькину голову на бок, одновременно пытаюсь отрыть ей рот – может, проглотила что? Открыть ей рот почему-то не получалось, должно быть, судорогой мышцы свело, при передозе такое случается. Исцарапав Настьке кожу, поранив свои пальцы о ее зубы, Оксана все-таки это сделала – и тут же поняла, в чем дело. Настин язык, пока та была без сознания, провалился в дыхательные пути, не давая ей дышать. Уже наплевав на гигиену, Оксана всей пятерней залезла в ее рот, впиваясь пальцами и ногтями в одеревенелый язык и, крепко стиснув его, потянула на себя.

Едва вытащила руку, как Настька еще больше округлила глаза и начала жадно хватать ртом воздух, одновременно закашлявшись. Как только она начала дышать нормально, то

снова «поплыла» — голова безвольно повисла, веки норавли сомкнуться.

— Нет уж, не смей спать! — Оксана снова принялась шлепать ее по щекам.

В результате, отойти ей не удалось ни на шаг — сколько Оксана так просидела, ведя бессмысленный диалог то ли с Настькой, то ли с самой собой — она не знала. Только щеки у подружки от ее шлепков стали уже ярко—малиновыми. Ну, хоть не синюшными...

Двое мужчин в синих комбинезонах, ворвавшись в квартиру, как приبلудного щенка отогнали Оксану в сторону. Один из них тут же принялся, как и Оксана, хлопать Настьку по щекам, задавал ей какие-то вопросы.

— Передоз? — не поворачиваясь, спросил второй — Оксана даже не сразу поняла, что это к ней обращаются.

— Да... не знаю... — она понятия не имела, что говорить в таких случаях.

Он сноровисто протер Настькину руку спиртом и вогнал иглу шприца.

— Клиническая смерть была?

— Не знаю...

— Сердце останавливалось?

— Откуда я знаю, я не врач! — истерично выкрикнула Оксана — и вдруг разрыдалась. Громко, по-детски, захлебываясь от собственных слез.

Санитар точно так же профессионально и без эмоций вколол что-то и ей, от чего Оксану сразу начало клонить в сон. Реагировать на ситуацию, думать сразу расхотелось. Еле передвигая ноги, она прошла в ванную, где взглянула на себя в зеркало и... не узнала в первый момент. Даже если не обращать внимания на красный распухший нос и размазанную по лицу тушь, это была совсем не та Оксана, которую она видела утром в зеркале.

Так страшно как сейчас – когда она осознала, что случилось с Настькой, и что могло бы с ней случиться – Оксане еще никогда не было. Перед глазами все еще стояло перекошенное лицо подруги, а пальцы помнили прикосновение к ускользающему языку, который нужно вытащить во что бы то ни стало...

– Имя, фамилия, телефон? – спросил один из санитаров, едва Оксана вернулась в комнату.

– Мой?..

– Ваш.

– Э-э-э... – нельзя было называть настоящую фамилию. – Ольга. Иванова Ольга.

Санитар исподлобья на нее посмотрел:

– Телефон?

– Телефона нет. Совсем.

Санитар снова посмотрел, потом убрал заполняемый бланк:

– Вот что, Иванова Ольга, или давайте номер телефона,

или поедете с нами в медицинский пункт. Куда нам потом вашу подругу пристраивать?

– Хорошо, я поеду...

Настьку на носилках уже тащили из квартиры, и Оксана едва успела догнать ее и взять за руку.

Санитар за ее спиной захлопнул входную дверь, а девушка даже не вспомнила, что в Настькиной кухне оставила сверток, тянувший на несколько тысяч долларов.

Санкт-Петербург

В конторе меня огорошили новостью, что заслушивание дела моего наркомана Красильникова в суде будет уже на следующей недели. Зато вторая новость компенсировала большинство сегодняшних неудач – вернулся из командировки Антон, чему я несказанно обрадовался и тут же направился к нему сдавать дела.

Моего шефа Тоху Березина я знал большую часть своей жизни. Есть такие люди – прирожденные лидеры. В любой компании, в любом деле они всегда будут первыми. Я уверен, что если бы Антон когда-нибудь вздумал участвовать в конкурсе белошвеек, то он, может быть, и не выиграл его, но точно сорвал бы приз зрительских симпатий. Лидером, массовиком затейником и старостой в одном лице он был с первого класса. Учился исключительно на «отлично», с малолетства знал, чего хочет от жизни, и уверенными шагами продвигался к своей цели.

Дружбы у нас с ним не сложилось сразу, наоборот, до де-

вятого класса мы были в легких конфрах. Не только из-за Наденьки, просто меня тогда раздражали правильные мальчишки, которые на переменке вместо того, чтобы сбегать покурить за угол, сидят и читают тему следующего урока – к таким я относил Антона в первую очередь. Зауважал я его как раз тогда, когда он сломал мне нос: хоть и отличник, а удар правой поставлен хорошо... А потом юношеский максимализм прошел, и я начал ценить Антона как раз за те качества, за которые когда-то презирал.

После школы Надя, как и планировала, поступила в медицинский, а Антон, как и планировал, на юридический – еще и нас со Стасиком за собой сманил. Мне принципиальной разницы, где учиться, не было, а Стас вообще все еще брэнчал на своей гитаре и мечтал о славе рок-музыканта. Зато к концу учебы в университете Аристов втянулся настолько, что решил остаться на кафедре – он и по сей день преподает юридические дисциплины в родном вузе.

Антон же после университета года два был подручным в конторе какого-то своего родственника – набрался опыта, подзаработал денег, назанимал, конечно, где мог, и в итоге открыл адвокатскую контору "Фемида-гарант", которую сам же и возглавил. С тех самых пор он не переставал капать мне на мозги с вопросом, какого черта я просиживаю в РУВД. Уверял, что в милиции мне ничего не светит, и что единственное место, где меня оценят по заслугам это его "Фемида". Я почти пять лет не принимал его предложения, но, в

конце концов, сдался – о чем, кстати, не пожалел ни разу. И даже на нашей с ним дружбе, вопреки моим опасения, это не отразилось.

Антон выглядел вымотанным и мрачным, из чего я сделал вывод, что эти его переговоры с партнерами, ради которых он ездил в Подмоскowie, прошли неудачно. В подробности, однако, он меня посвящать не стал, вместо этого довольно напряженно спросил:

– Ты, я слышал, взялся за дело об убийстве. Аленкова, кажется, защищаешь? – Березин стоял, облокотившись на спинку своего кресла и, прищурившись, изучал меня. – Чего вдруг? Ты мне для другой работы нужен – где и суммы посolidнее, и люди покрупнее. Я ведь предупреждал. А мелочь эту передавай кому-нибудь.

– Ничего себе мелочь! – хмыкнул я. – Дело об убийстве. Кроме того, клиент не с улицы пришел, его мне наш Стасик подогнал.

Антон бросил на меня взгляд, из которого я сделал вывод, что он в курсе про Стаса. И вообще было похоже, что он знает о деле довольно много. Станный он какой-то сегодня.

– Ты против того, чтобы я поддерживал защиту? – напрямик спросил я.

– Да нет, почему же... – уклончиво ответил Антон. – А по-твоему есть перспективы?

– Обвинительное заключение вынесено на том основании,

что Аленков в день смерти жены специально приехал из командировки. Сам он подтвердил, что в тот день виделся с женой, но вот зачем конкретно приезжал, и что они с Аленковой обсуждали, отвечать оказывается. Даже мне.

– Может, покрывает кого? Кто проходит свидетелями?

Березин как всегда смотрел в корень.

– Основной свидетель обвинения – подруга Аленковой, некая Захарова, журналистка. В городе ее нет, я разговаривал с ней по телефону... Странная, кстати, девушка. Сама же мне звонила, расспрашивала про Аленкова, а приехать категорически не хочет.

– Да? Так ты попробуй ее выманить. Скажи, что без ее показаний Аленкову светит срок. Если она, конечно, заинтересована в его освобождении.

– Не понял... – нахмурился я. – А зачем мне выманивать, как ты говоришь, Захарову? Я сомневаюсь, что ее показания всерьез повлияют на исход дела. Чем она может нам помочь?

Тоха посмотрел на меня с такой безнадежной тоской, что я усомнился: может, я действительно идиот и не понимаю элементарных вещей?

– Судя по тому, что Захарова позвонила тебе только для того, чтобы расспросить про Аленкова, между ними отношения более близкие. А что, если она не столько подруга самой Аленковой, сколько ее мужа? Тогда ведь совсем другая история получается.

Над мыслью, высказанной Березиным, я и сам думал. Да-

же примерял на Захарову роль отравительницы. Из ревности. А что? Она числилась подругой Дарьи Аленковой, часто бывала в доме – запросто могла подбросить капсулу с фенотарбиталом куда угодно. Только вот о том, что Гриша покупает фенотарбитал по каким-то левым рецептам она тоже должна была знать – и понимать, что своими действиями подставляет в первую очередь его.

– Попробуй все-таки разузнать, где она. И меня держи в курсе, – напутствовал Антон.

Договорить мы не успели – у меня запищал сотовый, так что я вышел в коридор поговорить. Звонила Катя.

– Леш, ты ведь на место работы Аленкова сегодня поедешь? – как ни в чем не бывало, поинтересовалась она.

– Ну, допустим... – хотя до этого момента я в Университет ехать и не собирался.

– Не в службу, а в дружбу – можешь узнать сроки командировок Аленкова за весь этот год? И заодно список мест, куда он ездил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.